

ЛУЧЕЗАР РАТИБОРА

НОММО

ANIMALIS

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лучезар Ратибора

Homo animalis

«Автор»

2024

Лучезар Ратибора

Homo animalis / Лучезар Ратибора — «Автор», 2024

Люди называют его Богом, Создателем, Творцом. В каждой религии свой Он, свой демиург: Мардук, Зевс, Прометей, Один, Яхве, Тайова... Волшебным образом Он сотворил их, и им так приятнее думать. Хотя некоторые предполагают своё происхождение от обезьян, им так комфортнее считать. Вольному воля. Интересно, что правы и те, и те. Наша история поведает, как Тёмные Древние и Великие Оформители (существа высокой расы) выращивают планеты-фермы и заселяют их гуманоидами, выведенными в генетических лабораториях ради сбора гавваха — очень ценной концентрированной энергии. Немного расширим взгляд на антропогенез под соусом войны богов, польём плавленной мезью, сцепляющей единой нитью разные эпохи и звёздные системы, для приправы добавим аватаров и новые изобретения для гоминидов, ведь их нужно не только доить, но и развивать — таков План и закон эволюции этой Вселенной

© Лучезар Ратибора, 2024

© Автор, 2024

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Сыны Неба	8
Глава 2. Три сестры	13
Глава 3. Ведьма	15
Глава 4. Ярмарка	22
Глава 5. Осквернение	26
Глава 6. Чудовище	29
Глава 7. Неудачная охота	32
Глава 8. Бессонница	37
Глава 9. Хорт, сын оборотня	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лучезар Ратибора

Homo animalis

Выражаю сердечную благодарность и глубочайшую признательность форуму Общества Тайных Знаний и Ордену Хранителей Знаний Древних Старших (ОХЗДС, сайт otzvip.ru), чьи материалы я использовал в своём романе.

Предисловие

*«Мардук, речи богов услышав,
Сердцем задумал искусное сделать,
Уста открыл он и молвит Эйе,
Что в сердце задумал, в уме замыслил:
"Кровь соберу я, скреплю костями,
Создам существо, назову человеком.
Воистину я сотворю человеков.
Пусть богам послужат, чтоб те отдохнули"».*
«Энума Элиш»

«В самом начале был только один бог Тайова, создатель всего, который обитал в Токпеле, бесконечной вневременной реальности. Чтобы создать нечто конечное, Тайова создал Сотукнанга и сказал ему: «Я создал тебя, первое творение, как инструмент и силу, чтобы ты исполнил мой план по созданию жизни в бесконечном пространстве. Я твой дядя, ты мой племянник. Теперь иди и создай вселенные надлежащим образом, чтобы они гармонично соединились одна с другой согласно моему плану». Сотукнанг создал семь вселенных для разных существ. Кроме того, он создал отдельный мир для себя, а у Тайовы был свой мир. От Сотукнанга произошла Кокьянгвуги, женщина-наук, которая из земли создала людей с разным цветом кожи. Сотукнанг дал им дар речи, мудрость и способность размножаться».

Мифы индейцев хопи

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями], и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божью сотворил его; мужчину и женщину сотворил их».

Быт. 1:26-27

*«И трое пришло
из этого рода
асов благих
и могучих к морю,
бессильных увидели
на берегу
Аска и Эмблу,
судьбы не имевших.
Они не дышали,
в них не было духа,
румянца на лицах,
тепла и голоса;
дал Один дыханье,
а Хёнир – дух,
а Лодур – тепло
и лицам румянца».*
Прорицание вёльвы (Старшая Эдда)

«По одной из легенд, Прометей сам создал людей из глины, причём создал их, в отличие от зверей, смотрящими вверх, в небо. По версии Гесиода, людей и животных создал Зевс из земли и огня, а Прометею и Эпиметею поручил наделять их способностями. Неразумный Эпиметей отдал зверям все средства защиты, а человека оставил нагим, слабым и беззащитным. Тогда Прометей, чтобы спасти род человеческий научил людей ремёслам, обычаям, земледелию, строительству домов и кораблей, чтению и письменности, а также всем искусствам. И, наконец, Прометей похитил из кузницы Гефеста огонь и отдал его людям».

Стивен Кершоу «Путеводитель по греческой мифологии»

- А кто же все-таки создал людей? – спросил я как-то у знакомых.
- Конечно, Бог! – был дан ответ мне.
- Какой же именно Бог?
- Единый...

Иудаизм на Земле как первый известный культ Яхве возник и сформировался в форме монотеизма в двенадцатом веке до нашей эры при Моисее. Позже образовалось ещё и христианство. В этих культурах Яхве утверждается как создатель людей (Адам и Ева). В Северной Традиции перволюдей создали Один, Вилли и Ве (Аск и Эмбла), более современные люди – дети Хеймдалля. В древнегреческом мифе людей создал Прометей из глины, либо Зевс по другой версии, Хнум – творец человечества в египетской мифологии, Род является прародителем людей по одному из вариантов в славянском язычестве.

Каждый из богов-демиургов бьёт себя в грудь и претендует на первенство создания человеческой расы. Некоторые даже обвиняют иных демиургов во лжи, перетягивая одеяло антропогенеза на себя. И никого не смущает, что человечество существовало задолго до того момента, как в их ментальном поле впервые появились упоминания тех или иных молодых богов. Капитан Очевидность подсказывает, что эти боги явно привирают, озвучивая лишь часть действительности.

Легко жить в обмане, попробуйте пережить правду. Только помните, что моя правда не обязана становиться вашей и она вовсе не истина.

Глава 1. Сыны Неба

В первый год появилось из моря, в том месте, что вблизи Вавилонши, ужасное существо по имени «Дагон», тело у него всё было рыбье, а из-под головы, из-под рыбьей головы, росла другая голова и подобным же образом человеческие ноги росли рядом с рыбьим хвостом. Голос же у него был человеческий. Это существо дни проводило среди людей, не принимая никакой пищи, и научило людей грамоте, и математике, и владению искусствами разного рода.

Вавилонские легенды

Место действия: планета N в двойной звёздной системе, южный регион. Время действия: однажды в стародавние времена.

Икенна забросил сеть и сел в пирогу, засмолив трубку из пробкового дерева. Его лысая голова блестела в последних лучах заходящего солнца, тёмная кожа скрывала рисунок, но если очень приглядеться, то можно было разглядеть причудливый узор татуировки на макушке старика. Он утёр пот со лба и громко крикнул. Надо же – вспотел, пока грёб на глубоководье, а вроде бы и жара спала ненадолго, покуда второе светило не начало свой бег по небосводу. Видимо, годы берут своё: уже нет былой прыткости, суставы иногда выкручивает в сезон дождей, уставать стал быстрее. Хотя, в целом грех жаловаться, за долгую жизнь рыбак Икенна успел поучаствовать в войне с соседним племенем, жениться, занять пятерых сыновей – его гордость! – а теперь у него уже есть внуки. Самая любимая у дедушки – малышка Адаоби. Старик улыбнулся, вспомнив неугомонную внучку – та всегда в играх, всегда бегаёт, везде залезает, не хуже обезьян. Надо обязательно захватить ей с берега красивую раковину, будет подарок девчужке.

В сетях заплескался плавниками первый улов – к сумеркам рыба активизировалась в поисках ужина. И в самом деле тени уже удлинились и сгустились: на западе красным пламенем угасал закат, это Агву ушёл спать, а на востоке уже начинала алеть заря – вот-вот его сын Аньянву выйдет на свой пост, начнёт охоту, и наступит новый второй день, без ночной паузы, потому как наступил период двойного лета, когда боги солнца, два светила, по очереди сияли на небосводе. А всё потому, что кислородная планета N (одна из многочисленных планет во Вселенной, заселённая гуманоидной расой) в движении по своей орбите вошла ровно в аккурат между двумя близко расположенными звёздами. Наступил период жесточайшей засухи, две недели почти нескончаемой дневной жары нещадно опалит все плодоносные растения, выжжет их почти под ноль. И без того засушливый климат превратится в адское пекло. Да, тяжело придётся племенам в джунглях, только охотой и спасутся, вылавливая всех, кого получится. Народ Икенны *игбо* жил возле моря, им и кормился. Наземных растений почти не будет, но рыба и водоросли, слава богам, позволят более-менее сносно пережить сезон смертоносной жары.

В вечернем потемневшем небе можно было различить редкие особо яркие звёзды и увидеть бледные силуэты двух лунных сестёр – старшую Иньянгу и младшую Наньянгу. В период, когда солнечные отец с сыном одновременно выходили на охоту, ночь наступала, как положено, и луны дарили блаженный отражённый свет земле. Много-много веков назад сёстры поспорили, кто из них быстрее бегаёт. Кричали, ругались, каждая приводила множество доводов в свою пользу, обзывали друг друга. Потом успокоились и решили, что только состязание разрешит их спор – так и побежали по кругу. Крупная Иньянга, казалось бы, должна была отстать, но не тут-то было: она вырвалась вперёд настолько сильно, что можно было увидеть, как она регулярно обгоняет мелкую и стройную сестрёнку Наньянгу. А всё потому, что естественный спутник планеты N Иньянга находится ближе к поверхности, чем Наньянга. И при равной угловой скорости движения Иньянга выигрывает.

Конечно же, рыбак Икенна не знал никаких физических особенностей перемещения дневных и ночных светил, ведь астрономии ещё не существовало как науки, да и первые знания по ней передавались избранным – шаманам и жрецам.

Старик вытащил свой невод – о, богатый улов! – сегодня морские духи *номмо* расщедрились. Рыбак собрался закинуть сеть ещё раз, как вдруг увидел вдали увеличивающуюся на глазах чёрную точку. Он протёр глаза, проморгался (а вдруг зрение подводит?), встал и пристально посмотрел вдаль – нет, точка не исчезла, а только росла в размерах. Это точно не птица, таких Икенна не видел за всю свою долгую жизнь, это и не летающий ящер, зигзагообразный полёт которых не спутаешь ни с чем. Летящее нечто было совсем незнакомым. А вскоре стал слышен негромкий гул со стороны приближающегося объекта. Старику стало страшно, он почувствовал опасность.

Икенна с вырывающимся из груди сердцем выплюнул изо рта потухшую трубку на дно каноэ и плюхнулся следом, скорей схватил двулопастное весло и что есть сил бросился грести к берегу. Быстрее, быстрее, надо предупредить племя! Старик задыхался, дыхание с хрипом вырывалось из груди, но он не сдавался. Чем бы ни было летающее Нечто – пусть даже это Сыны Неба – надо предупредить вождя и шамана, пусть они прячут народ или сами выходят разговаривать с богами, это точно не рыбака ума дело.

Старик, бросив пирогу на мелководе, босиком пробежал по песку к тростниковым хижинам.

– Опасность! Опасность! Сюда что-то летит, и оно огромное! – громко закричал Икенна, приложив сложенные домиком ладони ко рту.

Люди высыпали из хижины, на их лицах читались недоумение и тревога. А глаза детворы засияли восторгом и жадной приключений – ещё бы, ведь намечается что-то необычное и неизведанное. Воины схватили копья и луки. Из самого богатого и крупного дома деревни вышел вождь, он был одет в жёлтую хлопковую накидку, опоясанную широким кожаным ремнём, – подарок от северного племени, и шаман, на голове которого в качестве шапки красовалась голова пантеры, грудь его украшали многочисленные ожерелья из клыков разных животных, мелких ракушек и непонятных амулетов.

Летающий объект приближался, он был поистине огромным. В племени началась паника, женщины закричали и заметались.

– Всем тихо! – громко вскрикнул вождь Чиамака и вынул из-за пояса нож с длинным кривым лезвием из меди. – Пусть женщины спрячутся в хижинах, мы встретим большую птицу сами!

Воинам стоило немало труда успокоить женщин с детьми и загнать их по домам, из тьмы которых те всё равно сверкали белками своих глаз, потому что и хочется и колется.

– Как думаешь, Нгози, что это такое? – шёпотом спросил вождь у шамана.

Шаман почесал жидкую бороду, не сводя ярких голубых глаз с «птицы», и медленно процедил:

– Старые легенды упоминали о сынах неба, что прилетали к нашим предкам и раздавали щедрые дары. Это первое, что подсказала моя интуиция. А вообще – сейчас узнаем.

Неопознанный летающий объект остановился и завис низко над морем, не приближаясь к береговой линии, снизу открылся люк, и оттуда в воду плюхнулись три силуэта. Они быстро поплыли в сторону племени. Верные защитники своего народа игбо выставили копья вперёд, натянули луки. Спустя считанные секунды на сухой песок из моря вышли три огромных, около пятнадцати метров в высоту, ящера. С их тёмной сине-зелёной кожи скатывались крупные капли воды. У них у всех в трёхпалых лапах были небольшие по их меркам непромокаемые мешки. Вперёд выступил один из ящеров, глядя всеми четырьмя глазами на вождя, и заговорил:

– Приветствую тебя, человеческое племя игбо! Моё имя Ур-Бал-Дагн-Кай, можете звать меня просто Бал-Дагн, – было заметно, что ящеру нелегко выговаривать человеческую речь. Можно было вообще обойтись только мысленной связью, а не глотать наноботов с лингвистическими программами, но существовала слишком большая вероятность, что от ментального речевого давления человеческие мозги просто вскипят. – Мы пришли к вам с миром и дарами.

– Бал-Дагн! Бал-Даган! – зашептали воины и пали ниц в страхе, только вождь и шаман остались стоять. Игбо действительно были в ужасе, здесь даже не нужно было совершать никакого внушения, ведь они никогда не видели таких огромных ящеров, к тому же говорящих на их языке. Наоборот, ящеры лёгкими волнами направляли увещающие и успокаивающие мысли о том, что они друзья, что опасности для людей нет.

– Мы знаем, что у вас сейчас наступает засуха, поэтому привезли вам геномодифицированную пшеницу, которая очень неприхотлива в выращивании, не требует много воды. Также мы дарим вам дрожжи, которые помогут вам печь хлеб из этой пшеницы и ускорят созревание алкоголя. А то вы сами ещё не скоро найдёте эти грибы. Ещё мы научим вас выплавлять новый металл. Доверьтесь нам!

Воины игбо подняли головы, по их недоумённым лицам было очевидно, что они мало поняли из сказанного гостем, кроме того, что будут какие-то дары. Бал-Дагн понял это и дал знак одному из своих помощников. Тот просунул лапу в недра своего мешка и бросил на песок множество стальных наконечников для копий. Вождь взял наконечник, потрогал его, сравнил с медью своего ножа и сделал вывод не пользу последнего. Ящер вынул несколько кожаных бутылей с пивом и протянул людям. Те с опаской взяли, глядя на вождя. От них всё равно тянуло страхом, Бал-Дагн чувствовал это. Не боялся только шаман, который изучающе и с интересом рассматривал прибывших рептилий.

– Пейте, не бойтесь, этот напиток сварен из пшеницы и дрожжей. Мы научим вас, и вы сами сможете его готовить!

Вождь подал пример, открыв бурдюк и отхлебнув щедрый глоток. Ему понравилось, даже очень. Их пойло из ягод и тростника по вкусу явно уступало пиву.

Шаман, хитро прищутив левый глаз, сказал, наконец, своё слово:

– Гости дорогие да с дарами богатыми! И ведь всё нужное привезли, всё действительно необходимое, здесь нет вопросов. Но есть другой резонный вопрос: с чего такая щедрость? Вы нам и то, и это, а мы вам что дадим взамен? Что у нас, столь ничтожных по сравнению с вами, есть ценного?

– Здравомыслишь, шаман Нгози, и вопрос твой справедлив. Всё, что нам нужно от вас – поклонение. Раньше вы поклонялись нашему сонму, почитали и поминали моё имя Дагон. Потому что мы уже прилетали со щедрыми подарками к вашим предкам. Но почему-то в последние годы вы стали забывать меня: всё меньше жертвоприношений, молитв и обращений, а всё чаще вы обращаетесь к духам предков. Я не против ваших предков, но пришла пора напомнить, кто вас создал и кому вы всем обязаны!

Бал-Дагн включил мощное ментальное внушение – вождь и воины со стонами скорчились на песке, схватившись за головы от дикой боли, даже шаман, закусив губу до крови, опустился на колени, перед их глазами яркими вспышками мелькали видения: вот ящеры н'гангри во главе с Бал-Дагном создают людей из животных, вот Тёмные Древние обучают племя игбо, дарят технологии и знания, прося лишь о поклонении. Внезапно боль исчезла так же мгновенно, как и появилась.

Бал-Дагн продолжил:

– Мы можем быть не только добрыми, в наших силах полностью стереть ваше племя с лица земли и выжечь дотла пространство до горизонта во все стороны. Разве я многого прошу? Разве вам так сложно помнить о благодарности вашим создателям?

Вождь встал, отряхнулся.

– Нет, Бал-Даган, ты просишь не много. Прости нас, что мы начали забывать о тебе!

– Так-то лучше... Нгози, ты в племени заведешь общением с незримым, поэтому упоминание скорее к тебе: мой старпом Ганн-Дар-Ху-Кай, – глава пришельцев кивнул на помощника справа, – расскажет тебе о тонкостях и частоте жертвоприношений, когда требуются животные, а когда люди, и в каких случаях можно обходиться малыми требованиями. Но скажу всем вам ещё, и передайте это всем остальным: вы можете взывать ко мне с молитвой в любое время, я услышу и помогу вам с небес. Это самый главный дар для вас: вещи могут истлеть, сгнить, потеряться, но обращение ко мне будет с вами всегда!

Дар-Ху отошёл в сторону с шаманом, передал ему карты местного звёздного неба, эфемериды планет и видимых звёзд, которые значимы в астрологии, ещё он рассказал ему о важном способе лечения с помощью геномодифицированной пшеницы: из неё следовало делать муку и печь хлеб, а плесень, которая будет образовываться на хлебе, можно будет в виде размоченной кашицы накладывать на различные раны, предотвращая заражение и нагноение.

Второй помощник командора Кан-Бу позвал кузнеца и отправился с ним в горы. Ближайшая каменная гряда начиналась в нескольких километрах к северо-западу, и кузнецу Зубери пришлось бы долго туда добираться пешком, но ящер бережно взял его в свою лапу и быстро донёс до места назначения.

Уже в горах Кан-Бу раскрыл мешок и протянул кузнецу:

– Доставай, там нужный нам инструмент, «кирка» называется.

Зубери вытащил кирку с чёрным металлическим бойком и упругой жёлтой рукоятью. При виде такого инструмента у него глаза на лоб полезли. Он потрогал сталь и спросил у пришельца:

– Что это за металл? Он твёрдый, очень твёрдый, я никогда не встречал подобных материалов.

– И вряд ли встретишь, ведь это высокоуглеродистая сталь. Вам пока рано ещё её выплавлять, мы здесь с другой задачей. Но на память я тебе её всё-таки оставлю, Зубери, успеешь ещё попользоваться, её надолго хватит. А сейчас бери кирку и долби вот в этом месте, – ящер ткнул толстым когтем в полотно разнородной горной породы.

Кузнец, довольный и воодушевлённый подарком, с двойными силами приступил к работе. Хоть кирка и стальная, но попотеть всё равно пришлось. Минут через десять долбёжки и выламывания камней, в светло-серой породе горы показались тёмно-серебристые и бурые зернистые прожилки.

– Гляди, кузнец, – указал Кан-Бу на рудную жилу, – это камень касситерит. Здесь его предостаточно, сможешь доставать по мере необходимости. Вот тебе рецепт нового сплава: добавляй к меди примерно одну десятую часть камня, соедини воедино, получится у тебя бронза, которая легче плавится, но при этом будет твёрже, прочнее и долговечнее. Для изготовления оружия и инструментов бронза предпочтительнее меди.

Зубери упал на колени в искреннем благоговении.

– Я благодарю тебя, о Сын Неба! Твой дар воистину самый щедрый. Народ игбо никогда вас не забудет.

– Мы надеемся на это, кузнец. Потому что если вы забудете, то придётся вновь напоминать, только уже более жёстким способом.

Зубери даже на словах не хотел выяснять, как прилетевшие боги могут освежить память, ведь в его глазах пришельцы были всемогущими.

Пока помощники командора по своим направлениям передавали знания народу игбо, сам Бал-Дагн углубился в джунгли подальше от всех. В первую очередь он дошёл до небольшой полянки, где располагался невидимый энергетический кристалл для сбора гавваха с людей, который уже не раз сигнализировал о сбое настройки отправления энергии на базу. Кристалл

был невидим для людей, но командор его чувствовал и видел. Он подошёл поближе, встал рядом с ним – тот висел в пространстве тонких энергий примерно на высоте десяти метров – и достал из мешка небольшую квадратную коробку с дисплеем. Пара тычков в дисплей вызвали на нём появление различных знаков и цифр, из коробки вырвался тонкий синий луч и соединился с кристаллом гавваха. Настройка началась. Оказалось, что там случился небольшой программный сбой, который сейчас на месте можно было устранить без необходимости привозить отдельного специалиста-технаря.

Следующей задачей Ур-Бал-Дагн-Кая было установить ещё один кристалл-источник, но не для сбора энергии, а для незаметного облучения людей, что приблизится к нему на расстояние менее трёхсот километров. Пришло время, развитие человеческих существ достигло нужного этапа, когда можно подключать кристаллы нового уровня. Командор подошёл поближе к деревне и прямо на траву в нижнем ярусе джунглей положил крохотный камень цвета морской волны. Ящер произнёс формулу активации энергетического прибора – кристалл вспыхнул, растворил свою плотную форму, увеличился в сотни раз и исчез с видимого уровня излучения. Дело сделано, отныне этот источник будет потихоньку, но уверенно стимулировать манас людей и активировать две их чакры – аджну и вишудху. Постепенно люди будут умнеть, интеллект повысится, развитие науки пойдёт в гору.

Ящерам н'гангри, как кураторам этой планеты, предстояло залететь ещё в пару-тройку мест с дарами для племён и установить несколько кристаллов-источников на подчинённой им территории.

Глава 2. Три сестры

Три девицы под окном

Пряли поздно вечерком.

А. С. Пушкин «Сказка о царе Салтане»

Место действия: планета N в двойной звёздной системе, северный регион.

Время действия: однажды в стародавние времена.

Юный и бойкий жар пробудившейся и разгулявшейся весны растопил хвойную смолу, и еловый запах густой патокой растёкся далеко от леса, доходя до близлежащей деревни, обволакивая всех и каждого, досталось всем, никто не ушёл от дивного аромата – и бабы, стирающие бельё на реке, и играющая детвора, и работающие на пашне крестьяне, что уж говорить про тёмный дом, стоящий чуть на отшибе, вдавшись в бор, – в нём аромат можно было брать голыми руками и складывать про запас к дровам, чтобы люто студёными зимними вечерами в жаркой бане подкидывать на печку. Солнечные отец с сыном сегодня расстались, вон они – многомудрый Хорс с молодым Ярилой – с разных краёв неба щедро изливали на землю свои пылкие лучи. Не избежали пряно-терпкого опьяняющего елового дыхания и три девушки-красавицы, сидящие на старом бревне в аккурат между лесом и деревней.

– А я тебе говорю – пригласит! Бьюсь об заклад, вот увидишь! – разгорячённо пыхтела старшая, крупная дородная девка. – А не догадается – сама приглашу!

Две другие сестры так и прыснули со смеха, придерживавшись за бревно, чтобы не свалиться.

– Инга, где ж видано, чтобы девка сама парня выбирала?! Засмеют! Да и сам твой Радмир убежит со страху. Ему нужна добрая, покладистая невеста, как я, а не бойкая и лихая, – скромно закончила средняя Магуша.

– Держи карман шире и мечтай громче, сестра, авось, боги тебя и услышат. А пока у тебя нет шансов, возьму и охому таю, убежать не успеет! – Инга аж вскочила с насеста и показала, как она будет хватать Радимира за разные части тела.

Сёстры вновь расхохотались в голос, Магуша – старательно, а младшая Велена – сдерживаясь, ей не хотелось сильно смеяться над Ингой, – она, конечно, хорошая, красивая и стремительная девица, но, положила руку на сердце, надо сказать, что сыну воеводы Радимиру Магуша всё-таки больше полюбилась, это было видно по его взгляду, когда они изредка встречались на рынке или у пристани на берегу. Молодец на обеих сестёр, Магушу и Ингу, поглядывал с интересом, с обеими ласково разговаривал, но вот взор его прекрасный на средней сестре задерживался дольше и теплел. Не сказать, что Инга этого совсем не понимала, но сдаваться без боя не собиралась.

– Ничего-ничего, скоро окончание посевной и начало двойного лета, будет праздник Черевень, вот там, Магуша, и посмотрим, кого Радмир на хороводе в пару возьмёт!

Праздник Черевень гуляли всегда громко и с размахом: ярмарка, танцы, хороводы, костры. Даже двойное лето в этих северных краях не баловало излишней теплотой, поэтому земледелие особо ценилось среди всех людских промыслов. Урожайный год означал сытость и богатство.

Младшая Велена не понимала терзаний сестёр, не до женихов ей было, бог любви Лель ещё не опалил её сердце страстью к юноше. Да и вообще, она по традиции ждала, что сначала сосватают старших дочерей, а потом уж и её время придёт. А пока дел хватало – она большую часть времени рукодельничала, да и работы по дому не гнушалась, хоть и дворовые девки были. Иногда вот с сёстрами выходила погулять, то по лесу, то на завалинке посидеть, то до рынка дойти, где у тяти несколько лабазов стояли, продавая зерно, муку, карамель, мёд, да и

товары чудные заморские, что тятя на корабле привозил, – бусы с камнями диковинными, настойки крепкие на ягодах и ножи с мечами из стали особо прочной, чей секрет местными оружейниками так пока и не был разгадан.

– Эй, Велена, опять ты ворон считаешь? – Магуша отвлекла Велену от думок. – Гляди, так и своего жениха проворонишь! А на празднике, есть слух, и с других деревень народ приедет, с размахом отгуляем. Может, и тебе кто приглянется, а ты ему.

Красотой боги младшую сестру не обделили: и стройная, и статная, и коса русая до пояса, толстая с канат, фигура точёная, глаза большие ясные – омут изумрудный. С Магушей они похожи были внешне, только Магуша похитрее и приземлённее, а старшая вовсе пошла в отца – тёмный волос, очи чёрные, крупная, сильная, за словом в карман не полезет, а то и кулаком могла вдарить обидчику при надобности – мало не покажется. Видать, Стоян сына хотел, а родилась Инга, которая хоть и не молодец, но пару раз уже уговорила батю взять с собой на корабль, дабы купцово дело изучить изнутри. Стоян поначалу сопротивлялся – девка всё-таки, её удел замуж выйти и в новом доме судьбу плести – но потом сдался непреклонному напору дочери, и дозволил пойти с собой в море к ближним берегам. После двух таких путешествий, видя, как Инга схватывает на лету тонкости торгового ремесла, даже задумался, а не оставить ли дочери своё дело – ведь справится девка, и умная, и команду в ежовых рукавицах удержать сможет.

– Моё счастье от меня не уйдёт... – задумчиво проговорила Велена.

Тут все три сестры свет-Стояновны замолчали и обернулись – звериным жутким холодом из леса повеяло. Из теневого хвойного покрова, что скрадывал ясную видимость, неотрывно глядели горящие алым огнём глаза. И сомнений ни у кого не было, что взгляд этот нечеловеческий устремлён только и только на Велену.

Сестёр охватила оторопь, и одновременно будто столбняк напал – ни вздохнуть, ни пошевелиться. Первой пришла в себя боевая Инга. Она вышла чуть вперёд, подняла с земли камень и встала в грозной позе, собираясь его метнуть.

– Эй, пёс шелудивый! Выходи, покажись или спасайся бегством, пока в лоб не получил!

Обладатель горящих глаз медленно и величественно вышел из-под деревьев под лучи света. Огонь взора погас, обнажив ледяную синь. Узнавание пришлого девицам радости не прибавило – это был Кудеяр, колдун-перекидыш, родной дядя колдуньи Люты. Его в деревне все боялись, даже сам воевода опасался. Ходили слухи, что он больше времени проводит в обличье волка, нежели в человеческом виде, живёт где-то в лесу, иногда забегает к племяннице – добычу принести али каких ингредиентов для чернокнижия. Свечку никто, конечно, не держал, но среди народа в разговорах-пересудах на завалинке или у самовара регулярно упоминалось, что Кудеяр многих девок в окрестных деревнях и сёлах заворожил и обрюхатил – разносил, так сказать, своё проклятое семя. Никто не знал точного количества его детей.

Кудеяр вышел из леса, на губах его играла надменная усмешка. Он щёлкнул пальцами, и Инга выронила камень. Инга, Магуша и Велена как по команде взвизгнули и, подняв подол, во весь дух помчались домой, под спасительные стены хаты. Кудеяр продолжал снисходительно улыбаться. «Хороша девка! Всё при ней. Ничего, гуляй пока, скоро я и до тебя доберусь. Ещё никто из тех, на кого я положил глаз, не уходил от моих лап», – так размышлял колдун, а во взгляде его бушевала дикая звериная похоть.

Глава 3. Ведьма

*Спробуй заячий помёт!
Он – ядрёный! Он проймёт!
И куды целебней мёду,
Хоть по вкусу и не мёд.
Л. Филатов «Про Федота-стрельца, удалого молодца»*

**Место действия: планета N в двойной звёздной системе, северный регион.
Время действия: однажды в стародавние времена.**

Люта развешивала по углам избы тартарское зелье – верное средство против муравьёв, тараканов и других пакостных насекомых, теперича никто не заведётся. А мыши и сами не сунутся, пока котейка-фамильяр Мыслич дома, один только его запах всех грызунов отпугивает.

У ведьмы изба была добротная, большая, в несколько комнат, хоть и жила она там одна с Мысличем, да иногда и ворон Знанич дома ночевал в непогоду, обычно предпочитая пребывать на воздухе. Когда было нужно, колдунья посылала ворона с заданием, узнать что-то или передать. Изредка на чашку чая, а то и на чарку медовухи заскакивал дядя Кудеяр, но ночевал крайне редко – волчья жизнь и хвоя вместо перины дарили ему необычайное чувство свободы и силы, недоступные ни одному человеку. Кудеяр не просто был роднёй по крови, он был ещё и полезен: иногда срочный смертный заказ быстрее было исполнить волку, чем ждать, пока магия подействует.

Люта смешала пряности и травы в чугунном горшке до половины, залила льняным маслом и поставила томиться в остывающую печь. Затухающего тепла будет достаточно для готовки, потом смесь можно перелить в кувшин. И будет зелье денежное, плодородное, чтобы мощну мазать для притяжения богатства, как себе, так и людям на заказ. Кто ж богатства увеличить не хочет? Нет такого человека, какого бы ремесла он не был.

С улицы послышался топот копыт, скрип колёс.

– Тпрууу, ретивая! Стой! – гаркнул возница.

Гости пожаловали. А если точнее, то клиенты. Тут к гадалке не ходи или карты не доставай в случае ведьмы Люты: по нужде к ней приехали, не иначе, потому как по иным причинам к чёрной ведьме не заезжают.

В дверь громко постучали.

– Входи! Не заперто! – ответила Люта.

В сени, тяжело дыша, будто после бега, вошла девица. Вошла быстро, напористо, но резко встала, как вкопанная, наткнувшись на взгляд Люты – иглы острые пронзили молодуху, поддели душу и вывернули наизнанку, выпытав все тайны. Ядвига всю неблизкую дорогу нагоняла на себя решимость, копила дух, представляла, что скажет, как войдёт, как всё пройдёт, а тут с порога всё иначе. Даже внешность ведьмы оказалась совсем иной, чем барыня себе представляла: встретить её должна была чернуха-старуха, старая, страшная, а здесь за столом во плоти сидела большуха в расцвете сил, кожа упругая, без морщин, хоть и бледная, губы тонкие и алые, волосы чернявые без единого седого проблеска, глаза – тьма чёрная беспросветная. Если глядеть на Люту со стороны, выглядела она довольно молодой, лет на тридцать, но стоило взглянуть ей в глаза, хотя бы попытаться – сразу утонешь, опрокинешься в дремучую, увидишь колдовство старинное, веками назад сотворённое, почувешь ведьминский полёт и смертное дыхание самой Мары.

Колдунья Люта на самом деле была очень старой, но жертвенная животная кровь куриц и змей давали силу и молодость. А ещё она не одного младенца в могилу свела, отнимая у них юность и здравоту.

Вот поэтому Ядвига и остановилась в растерянности, позабыв все слова, что готовила.

– Проходи, садись, рассказывай, с чем пожаловала, – сказала ведьма, и сталь прозвенела в её голосе.

Горделивая Ядвига, дочь уважаемого волхва из далёкого крупного рядка, как маленькая девочка, с которой сбили спесь, потупившись, села на лавку. В присутствии Люты и князя – а бывало, и такие заезжали – теряли дар речи, поджимали хвост и чувствовали треволение в животе. Тихим голосом молодуха начала рассказывать:

– Есть у меня жених... Ну как, жених – думала, что жених. И гулял со мной, и встречал, и провожал, и за ручку держал, Светозарушка мой ненаглядный, кобелина проклятая. Любовались мы с ним, миловались, и чреслами соединялись. Я уж и разговор завела про сватов, а Светозар, скотина такая, любимка мой, даже поддакнул, что уже скоро, что вот-вот... А потом я всё реже его видела, паскудника, а потом и вовсе перестал появляться. При этом жив-здоров. И батя егошний с мамкой меня привечали, невестой ожидали увидеть, а тут сын вильнул...

Замолчала Ядвига, зашмыгала носом, утёрла непрошенные слёзы. Не хватало только в голос разреветься при ведьме.

– Старая песня, из года в год одно и то же. Но дело поправимое. Так, он Светозар, а тебя как нарекли?

– Ядвига я, матушка...

– Ну уж не матушка, коли хочешь звать, лучше Лютой зови, имя хорошее, суть мою отражает. Ядвига, значит... Воительница, иначе говоря. За любовь свою ненаглядную Светозара свет батьковича бороться желаешь? А нужен ли он тебе? Он нагулялся, наигрался, дружка своего потешил, теперь испарился, чтобы дальше лоботрясничать да девок портить. Нужен тебе такой безответственный?

– Нужен, чтоб он провалился, окаянный! – тут уже Ядвига не выдержала и захныкала. – Люблю я его без памяти, Люта! Белый свет мне без него не мил! Его не будет – топиться пойду!

– Тише-тише, не надо никуда топиться, мавок да русалок и так хватает, да и толку ни для кого не будет, кроме как для водяного. Я же сказала – дело поправимое! – хлестнула Люта. – Ты лучше поведай, на что готова пойти, чтобы Светозар твой вернулся?

– Душу готова отдать, хоть Маре, хоть Чернобогу! Так сильно хочу со Светозаром век свой прожить! – в рвении Ядвига аж сдёрнулась с лавки и бухнулась на колени в знак готовности к великой жертве.

– Встань, девка, и сядь обратно на лавку, – строго сказала ведьма. – Душу отдавать не придётся. Но и дёшево не отделаешься: десять кунных шкур да бусы из жемчуга будут твоей оплатой.

Ядвига аж слюной подавилась. Откашлялась и просипела:

– Что ж так дорого?

Ведьма громко рассмеялась, задрав голову, обнажив идеальные белоснежные зубы. Она хохотала и хохотала, еле успокоилась, аж за грудь схватилась. Наконец, подавила в себе смешок, сделала глубокий выдох:

– Ты же только что была готова душу отдать за своего любимку? А теперь тебе шкуры и жемчуг слишком дороги?!

– Так то душа, непонятно где она обитает, и что с ней будет, а тут шкурки и жемчуг ещё где-то достать надоть.

Глаза ведьмы сверкнули и пригвоздили Ядвигу к лавке, вновь лишив ту воли и сил к передвижению.

– Если ты, Ядвига, всерьёз готова душу отдать, то я же заберу, смотри, не постесняюсь. Только ты, дурёха, не понимаешь, что вся любовь твоя в душе рождается. Не будет души – будет твоё тело тенью по земле болтаться, без любви, без воли и без чувств. Так что, хочешь любимого – плати! И не трать напрасно моё время, а то осерчаю.

«Из приданого стащу. Там деньги есть отложенные. На шкурки хватит, ещё останется. А бусы любимые жемчужные отдам свои, хоть и жалко», – подумала дочь волхва, а вслух сказала:

– Заплачу, Люта! Как есть, заплачу, всё, как ты сказала. Только верни моего Светозара, пусть он снова будет со мной, пусть любит, пусть милуется.

– Сказано-сделано. Ладно, Ядвига, ступай. Ты со своим скотинушкой познакомилась, это хорошо, теперь между вами связь есть. Держи, – ведьма протянула красную восковую продолговатую свечу, – этим ты своего Светозара позовёшь. Так позовёшь, что он противиться не сможет, на день следом явится, проситься будет, желать будет, от страсти сгорать. Ты ему отдайся уж, думаю, и сама не против. Главное, чтобы волос его взяла и мне принесла.

Ядвига взяла свечу и разглядывала её с недоумением.

– А с этим что делать-то? Просто сжечь?

– Почти. Ночь настанет, в переход начинай с этой свечой любоваться, срамом заниматься.

– Прямо туда пихать? – округлила глаза молодуха.

– Прямо туда и обратно, а потом снова туда, и так до конца. Глаза закрывай, своего ненаглядного во плоти в тебе представляй, будто он рядом, обнимает, целует и всё такое. И так до самой радости приبلудной. Только свечу не сломай в излишнем старании, – Люта злорадно ухмыльнулась. – А вот опосля в ведьмин час открывай ставень и свечу эту сжигай. Лявва страсти полетит, твоего кобелину позовёт. Через седмицу ближе к вечеру приезжай, как раз две лунные богини Дивия и Сирегония в рост пойдут, привози плату, волос суженого и захвати ягнёнка чёрного в жертву – на моё капище пойдём.

Молодица сглотнула ком в горле, страшно ей стало, жуть как не хотелось на капище. Да и отца-волхва она до дрожи боялась, если уж говорить в открытую, он ни за что не одобрил бы всякие черномagicеские штучки типа приворотов и прикрутов. Хотя «не одобрил бы» мягко сказано: если бы жрец узнал о намерениях дочери, то без стеснения по-простому бы выпорол, а потом закрыл за семью замками. Но охота пуще неволи, любовь зла – полюбишь и Светозара, его образ стоял перед глазами, лишая радости белый свет, потому она была готова и к возможному отцовскому гневу, и к ритуалам на колдовской кумирне. Поэтому Ядвига и пребывала сейчас здесь, у колдуньи со своим запросом. Наказ был ясен, девица молча кивнула на прощание и поскорее вышла за дверь.

Люта в предвкушении потёрла одну о другую руки. Улыбка не сходила с её губ, работка предстояла интересная.

– Ну что ж, Светозарушка, сучий ты потрох, будем тебя перевоспитывать! Будем тебя, кобелину треклятую, учить, как за свои поступки нужно отвечать и брать ответственность. Научим по-взрослому, по-настоящему: даже если случится чудо, и прикрут мой сможет кто снять, – всё равно вовек мой урок не забудешь!

Люта посещала своё капище ежедневно, оно находилось в половине версты от её дома в глубине леса, даже когда не было надобности поколдовать или поговорить с богами, она приходила туда и прибиралась. Ведьма почти собственноручно выстроила святилище: нашла место подходящее – небольшую квадратную площадку между соснами, спросила одобрения у любимых богов, после чего очистила земляной покров от травы, выкорчевала узловатые торчащие корни, подмела. А потом пошла к каменщикам, объяснила, что ей нужен алтарь и стела из чёрного камня, и пол необходимо было выложить из того же материала. А для сцепки булыжников Люта захотела использовать особо ценный вулканический пепел, так что по стоимости капище получалось очень недешёвым. При всём при этом каменщики сначала отказывались

от работы, не желая связываться с ведьмой, которую справедливо опасались, – молва про её страшные деяния не была пустой – пока та не пригрозила страшными проклятиями на весь их род. Лишь тогда согласились. Не зря древние мудрецы говорили, что добрым словом и угрозой можно добиться гораздо большего, чем просто добрым словом.

Как уехала Ядвига, Люта ещё раз проверила горшок с зельем в печи, удовлетворилась результатом и пошла на священное место. Капище действительно стало священным, потому что в течение многих лет на нём призывались потоки божеств, приносились кровавые и не только жертвы, провозглашались имена Силы и Власти. Само пространство вокруг алтаря изменилось, преобразилось, став природным храмом высших рас. А для Люты её место ритуалов и жертвоприношений стало любимым и родным во всех смыслах, ведь она вложила в него много сил, времени, своей энергии, на алтарь проливалась и её собственная кровь в том числе.

Ведьма пришла к месту силы, убрала осыпавшиеся ветки и хвою, протёрла начавшую было скапливаться пыль и оставшиеся кровоподтёки с прямоугольного алтаря. Алтарь в виде вырезанной цельной плиты был довольно большой – средняя девка там легко лежала в полный рост. Эта плита пропиталась кровью жертв – людских и животных – за многие годы ритуальной практики колдуньи. Сколько их было? Много... Всех не пересчитать. Люта любила это место, как и своих особенно близких ей богов из сонма Тёмных Древних – Мару и Чернобога, которым поклонялась, которых прославляла, которых чувствовала и слышала сердцем. В ответ они ей покровительствовали. При необходимости ведающая мать обращалась за подмогой и к другим богам, благо не было запрета и единоличия у Тёмных Древних, никто из них не призывал поклоняться только ему, лживо принижая остальных собственных братьев и сестёр.

Ядвига приехала через семь дней. Если в прошлый приезд её раздирали ясно читаемые на лице чувства – и страх, и недоверие, и гнев – то сейчас девица цвела и пахла с широченной улыбкой во весь рот. С самого порога она затараторила:

– Доброго тебе здравия, Люта! Твоя магия дуже сильна! Сделала всё, как ты велела, а потом – ты даже не представляешь: Светозарушка примчался на следующий день, просил прощения, клялся, признавался, а уж как любил, и так, и эдак! Эх, – зажмурилась молодуха от приятных воспоминаний, – как в прежние времена, будто и не уходил даже!

Люта сидела за столом с непроницаемым выражением лица.

– И тебе здравия, Ядвига! Проходи, присаживайся. Скоро пойдём на святилище, судьбы ваши соединять.

Девица замолчала и села, слегка потупившись. Она теребила тесемку на платье, собираясь с духом. А потом, осторожно подняв глаза на колдунью, спросила:

– Я тут подумала: может и не надо ничего больше делать? Вот же он, любимка, прибежал, весь горячий, страстный, обещался сватов в скорости прислать...

– Пустобрех твой Светозар! – резко прервала Люта девку. – Гляди-ка: наобещал девке с три короба, та и растаяла. Ты ему с помощью свечи лишь лярву похоти подкинула, вот и примчался, мудями звеня. Ему только это и надо, а сердце его пустое, не горит там любовь к тебе. Так что сватов просто так не дождёшься. А вот когда всё сделаем – будет любить тебя без памяти, души не чаять, на руках носить!

Так Люта сказала вслух, а про себя подумала: «А когда твой Светозар выпьет хмельного, то может и побивать тебя, чувствуя на себе цепь нерушимую, волю и желания его сковавшую. А то и вовсе пить начнёт напропалую из-за сердца в темнице».

– Привезла, что должно?

– Да, я мигом! – Ядвига рванула на улицу, хлопнула дверь из горницы, потом вторая из сеней. Снова хлопанье дверей.

– Бе-е-е! – раздалось в сенях бляение ягнёнка.

Ядвига вошла с красным парчовым мешком с алым плетёным шнурком в качестве завязки, раскрыла и вывалила на скамью шкурки куниц, а Люте протянула своё любимое жем-

чужное ожерелье. Ведьма наметанным глазом взглянула на жемчуг, на куньи меха – добро, всё хорошего качества, молодница не поскупилась, будет ей Светозар в рабы-полюбовники.

– Волос?

Ядвига вытащила из-за пазухи вышитый узорами ситцевый платочек, аккуратно сложенный вчетверо, развернула его и протянула колдунье. На платке лежали еле видные три длинных светлых волоса.

– Вот, на перине остались. Волос у красавца моего длинный и густой, – в голосе девицы чувствовалась похвальба и гордость за окаянного любимого.

Люта взяла платок, отошла к печке, где стоял маленький стол, который она использовала для приготовления еды и различных зелий, и взяла небольшую, но глубокую глиняную чашку. Раскрыла несколько мешочков с травами, в обилии висевшими у потолка по всей комнате, в поисках нужного ингредиента.

– Ага, вот он! – удовлетворённо воскликнула Люта. – Одолень-трава, то что нужно.

Ведьма накрошила травы в чашку, бережно положила туда волосы Светозара, добавила совсем чуть-чуть воды из котелка и тщательно перемешала.

– Ну всё, пора, выдвигаемся к капищу. Такой наказ: туда идём, молчим, на месте всё творим, обратно тоже молчим. На возвратном пути не оборачивайся назад, что бы не услышала или не увидела. Это ведовские правила, если нарушишь, то насмарку пойдут наши старания. Поняла меня, Ядвига? – строго спросила ведьма.

– Поняла, Люта: туда молчим, обратно молчим, ни в какую не оборачиваться.

Люта надела широкий вышитый пояс с костяной пряжкой, сбоку которого висели длинные ножны с вырезанными на них рунами, а сверху торчала резная костяная рукоять атама. Ядвига взяла ягнёнка на поводке. И пошли они на капище делать дело чёрное, светлым богам вроде как неудобное, ведь приворот волю и судьбу привораживаемого ломает. А с другой стороны, прикрут сей любовный и страстный послужит запоминающимся уроком Светозару, научит его ответственности и исполнению своих обещаний.

Люта всегда ходила к святилищу немного разными путями, дабы не прокладывать видную тропинку. И сейчас они шли по непроходимой, казалось бы, чаще. Солнце садилось, на землю опустились сумерки. Ядвига молча продиралась через лес вслед за ведьмой, огибая ямки, отодвигая тонкие ветки и уклоняясь от толстых ветвей елей-великанов. Сердце молодницы бешено стучало, ноги иногда подкашивались и спотыкались, дышала она ртом, не успевая надышаться, губы пересохли, сжавшись в корку – страшно было Ядвиге, люто страшно. Чёрный ягнёнок на поводке периодически блеял. Его сердечко тоже сковал животный страх и неясное предчувствие скорого конца.

Наконец, колдунья и её гостья дошли до святилища. Чёрный камень в темнеющих сумерках казался проходом в иной мир. Широкий, как стол, алтарь на каменной площадке высотой был до пояса. За ним располагалась каменная стела, на которой при надобности Люта писала имя божества при воззвании.

Ведьма опустила чашку на алтарь и жестом указала Ядвиге, чтобы та встала чуть позади. Люта обратилась лицом к стеле, подняла руки в позу Оранта и воззвала к Тёмной Матери:

Мара полнощна, Матушка Кощна!

Серпом косила, вилами носила,

Ложкой едала, с чарки ливала.

Серпом ясным месяцем нити покутны косила,

Велеса вилами плоти-крови мёртвы забирала.

Услышь дочь твою, Мара-Мати!

Гой! Чёрна Мати! Гой Ма!

Колдунья ещё дважды повторила своё обращение и замерла, закрыв глаза. На святилище резко опустился могильный холод, проскочил небывалый в лесной чаще ледяной ветер. Мара услышала одну из своих жриц.

Люта подошла к девице и забрала ягнёнка. Тот блеял и упирался, но шёл, чувствуя нерушимую волю и огромную силу в чёрном взгляде колдуньи. Люта вытащила из ножен атам с блестящим лезвием – изготовленный с добавлением крови водяного дракона, остро наточенный, закалённый в настоях волшебных трав, он пульсировал, изнывая от жажды. Ведьма зажала ягнёнка между ног, сдавила коленями, произнесла:

– Мара-Мати, во твою славу, во твоё имя прими эту жертву!

И резким движением перерезала горло ягнёнку. Тот задёргался, цепляясь за жизнь, кровь хлынула широкою рекой. Ведьма дождалась, пока жертва затихнет, после чего переложила тело на алтарь, кровь текла, ручейки доходили до края и капали на пол. Ядвигу немного замутило. Она видела не раз, как режут скотину, но в тёмном лесу на капище Тёмных Древних рядом с ведьмой это произвело на неё сильное впечатление.

Люта махнула рукой, подзывая Ядвигу ближе. Та подошла на негнущихся ногах, у неё было явное ощущение, что если она сейчас позволит себе согнуть колени, то тут же бухнется наземь без сил и без чувств, и потом не подыметься. Колдунья твёрдым движением взяла левую ладонь девицы и полоснула по ней ножом. Ядвига чуть не вскрикнула от боли, но, помня наказ Люты, промолчала, только поморщилась. Кровь густыми каплями рвалась из разреза наружу. Ведьма подвела руку над чашкой и сжала, жива Ядвиги смешалась с одолень-травой и с локонами любимого.

Чародейка вновь отодвинула девку назад и приступила к основной части ритуала: над чашкой на алтаре она сплела ладони в замок и сжала изо всех сил, так что пальцы побелели от напряжения.

Мара-Мати! Чёрна Мати!

Таинством венца сопричти.

Слова и дела закрепи.

Сына Мидгарда Светозар духом венчается,

С дочерью Земли Ядвигой обвенчается!

Место живым в Яви,

Место мёртвым в Нави.

Волибою стара Морока-Мара!

Соедини! Объедини! Сплети!

Тяни, потягай, Светозара и Ядвигу воедино сплетай!

Мёртвому ягнёнку не встать,

паре-одному отдельно до порога не стать.

Венец к венцу, а тела в узел.

Гой! Чёрна Мати! Гой Ма!

Да будет так!

Руки Люты дрожали от прилагаемых усилий к сцепке кистевого замка, лоб её покрылся испариной. Менять реальность и судьбы – непростое дело.

Обратно шли молча. Ядвигу будто кто дёргал и звал, стремясь заставить её обернуться. Один раз ей даже показалось, что Светозар её позвал – так голос был похож и находился совсем рядом за спиной. С трудом она сдержала свой порыв, закусив губу до боли и поспешив за Лютой. Спешить за ведьмой следовало ещё и по другой причине: стало темно, а в незнакомом лесу заблудиться без знающего местность проводника – раз плюнуть.

В хате ведьма первым делом достала из подпола сбитень и жадно ополовинила кувшин, восстанавливая силы, а уже после сняла ножны, налила воды и ополоснула атам.

– Скажу тебе пару моментов, Ядвига, запомни крепко: никому про волшбу не говори, иначе ослабеет, а то и вовсе боком тебе обернётся, священнодействие любит тайну. Отныне и до навьего порога быть тебе со Светозаром, чёрным Марьим венцом вы скреплены. Я, конечно, тебе не завидую, потому что он тот ещё пятигузок¹ и межеумок², но сама такого выбрала. Быть тебе с ним до конца, даже коли захочешь – не уйдёшь, как и он от тебя.

Девушка вытаращила глаза и яро зажестиковала, указывая на рот.

– Можешь говорить, – дозволила ведьма, – мы в избе, уже можно.

– Как так до конца? А если он мне надоест однажды? Ведь это его прикручивали, а не меня.

– Верно, прикручивали его, его душу и сердце в полон на крючок взяли. Только цепь крепится на два конца, и к тебе, и к нему. Ну да ладно, там разберёшься. В конце концов, что сковали, то и расковать сложно, но можно. Есть работы, которые раз и навсегда, которые я не смогу снять. Но это дело будет шанс исправить. Ступай, помни о моих словах. Совет да любовь тебе со Светозаром! – ехидно улыбнулась Люта.

Ядвига поклонилась и отправилась навстречу своему счастью.

[1]Пятигузок – ненадёжный человек, дословно можно перевести как «пятижоп».

[2]Межеумок – человек очень среднего ума.

Глава 4. Ярмарка

*Была красавицей Медуза —
Прекраснейшая, из горгон.
Копна её волос, как чудо,
И цвет кудрей – сплошной огонь.
Надежда Старостина-Котенко «Горгона Медуза. Миф»*

**Место действия: планета N в двойной звёздной системе, северный регион.
Время действия: однажды в стародавние времена.**

*Крутится веретено,
Нить прядёт дороги.
Пусть сбудется, что суждено,
Уйду я за пороги.
За далёким морем
ждёт меня любимый.
С надеждой вместо горя
Покину край постылый.
Суженый найдётся,
Обещанный судьбою.
Сердце успокоится
Только лишь с тобою.*

Велена сидела возле окна, пряла шерсть и напевала старинную народную песню. Под мелодичный ритм и работа подстраивалась, шла ровно и быстро, нить валялась без комочков и без обрывов, хотя смысл самой песни был девице пока не созвучен, ведь никакой суженый не ждал её за морями, суженого пока вообще не было, да и сердце не сказать, что томилось от непрошеной любовной тоски.

Отец в морях по делам, незнамо когда точно вернётся, к осени, не раньше. Маменька почивала после обеденной трапезы, Инга с дворовой девкой пошла на базар за продуктами, а Магуша отправилась к подружкам лясы точить, звала Велену с собою, но та предпочла рукодельничать. Велена вообще не гнушалась ручной работы, могла и скотину покормить, и прибраться, и связать что-нибудь. Маменька не одобряла такое поведение, как и интерес Инги к торговому промыслу отца. Избалованная, выросшая в патриархальной семье старинного купеческого рода, маменька искренне и свято считала, что роль женщины в семье – улаживать мужа, рожать детей, вести хозяйство посредством слуг, на этом всё. В этом отношении её устраивала только средняя дочь Магуша, которая по своим убеждениям пошла в мать.

Велена валяла нить из чёрной пуховой шерсти, раздумывала отцу связать шерстяную рубаху в подарок – бывало, что он и в северные моря за товаром ходил. Тут холопка Аглаша вошла в дом и окликнула Велену:

– Сударыня, там тебя мужик спрашивает, поговорить хочет.

Девица прервала своё занятие, заинтересовавшись.

– Кто таков?

– Не знаю, сударыня, я его первый раз вижу. Взрослый, по одежке простолудин.

Кто же там может быть, думалось Велене, вроде бы ни с кем из парней не знакомилась в последнее время, пашни не крутила, а тут какой-то взрослый муж. Она выглянула из окна, но кованая калитка скрывала гостя за воротами. Ладно, чего гадать, надо пойти и узнать.

Молодица спустилась, приоткрыла калитку:

– Ты кто? Чего тебе... – и сердце бухнулось в ноги, и холод сковал весь остов, когда узнала она незваного гостя. Перед ней стоял колдун Кудеяр и самодовольно улыбался.

Зрелый муж, одет по-простому: чёрная широкая рубаха-косоворотка с длинными, закатанными до локтя, рукавами, чёрные шаровары и полусапожки. На открытых местах в глаза бросался густой чёрный волос на теле оборотня, чуть ли не шерсть. И борода его была иссиня-чёрной и густой, как непроходимый лес. Только на голове лохматые волосы полностью были пепельного цвета. И это не от старости, у колдуна с младенчества росли такие локоны.

Кудеяр направлялся к Велене с единственной похотливой целью. И уверен он был в успешном результате абсолютно и полностью. Ведь ещё не было ни одного случая на его веку, чтобы кто-то из девок любого сословия ему отказывал. Что замужние, что вдовы, что девки на выданье, что боярки, что холопки, что купчихи – никто не мог сопротивляться Кудеяру, когда тот намеренно пускал свой морок соблазнения. На разум девушек и женщин будто тьма наступала, забывали они обо всём, обо всех своих любимых и ненаглядных и готовы были идти хоть в пекло за своим единственным и самым желанным Кудеяром. Сейчас оборотень положил глаз на Велену и был намерен её покрыть.

– Доброго тебе здравия, красна девица Велена! – колдун смотрел в правый глаз молодницы и направлял силу на подчин своей воле.

– И тебе здравия, добрый молодец... – промолвила девица. Чресла её обмякли, взгляд затуманился. И как такой красавец мог к ней прийти? Ведь такой неотразимый хоть саму царицу позовёт, и она с ним пойдёт. Ох, хорош! Прекраснее лун и солнечной семьи...

Кудеяр увидел, что морок начал действовать, и Велена поддаётся его воле.

– Иди ко мне, красавица, пойдём погуляем до леса, там трава душистая да поляна мягкая. Велена шагнула за калитку ближе к ведуну.

– Да... Поляна мягкая – это то, что сейчас нужно...

Тут внезапно Велена моргнула, встряхнула головой и обнаружила, что взрослый лохматый мужчина с сильным запахом псины одной рукой держит её за талию, а второй рукой мнёт грудь сквозь платье. Она закричала и вырвалась, но убежать не успела – колдун резко схватил её за волосы и дёрнул к себе.

– Потаскуха! Все вы одним миром мазаны. Никуда от меня не денешься, от Кудеяра ещё ни одна баба не уходила, помяни моё слово!

И вот здесь оборотень почувал в Велене нечто чужеродное, колоссальное, мощное, даже неземное – какой-то незнакомый источник силы, благодаря которому та смогла освободиться от чар. Это ощущалось, будто Велена внешне человек, как и все, но глубоко внутри, в самой сердцевине, в самом своём центре она – нечто необъятное и непостижимое человеческому разуму. Колдун опешил от новых знаний и слегка ослабил хватку. В девице вспыхнула дикая ярость. Она обратила бешеный взор на огульника и со всего размаху всадила тому оплеуху. Кудеяр от неожиданности отпустил волосы Велены, она поскорее убежала в дом, где вся в слезах бросилась рыдать в подушку, чтобы маменька, не дай боги, услышала. Колдун растерялся, не столь обидно или больно было получить по морде от девки – много ли там силы? – но это было крайне непредсказуемо, ведь никогда до этого момента никто не мог противостоять оморочке Кудеяра. Что-то здесь нечисто и непонятно. Сидела в Велене какая-то сила спящая, нераскрытая, но не доступная для понимания колдуну. «Ладно, курва, что-то в тебе есть внутри, но тебя это не спасёт: настанет день, и попадёшь мне в ощип! Я сказал – так и будет!» – Кудеяр злобно взглянул на купцов дом и ушёл восвояси в сторону леса.

А Велена никому не рассказала о приходе оборотня, позорно ей было и страшно. И Аглаше строго-настрого запретила упоминать о Кудеяре.

Три седмицы минуло, и Черевень наступил. Сегодня последний день одинарного лета, когда Хорс с Ярилой видны на небосводе в разных его концах одновременно, ночь будет корот-

кой и довольно светлой, а с завтрашнего дня солнечные отец и сын будут нестись по синеве небесной по очереди, скрывая отражённый свет лунных сестриц.

Деревня гудела от обилия приезжего народа, гусяры били по струнам, дудочники выдавали трели на свирели, трещотки трещали в такт, зычные голоса зазывал на ярмарке не замолкали. Рынок расширился, поставили новые торговые лотки, которые ломались от товаров на любой, вкус, цвет и надобность. Акробаты на разборном помосте вертели кульбиты и сальто, скоморохи раздавали шуточки, побивая зрителей не в бровь, а в глаз. Люди веселились, галдели, болтали, обсуждали новости, подружки хвастались новыми покупками, детвора спорила о силе циркачей. Не слишком далеко от балагана, но достаточно, чтобы живая музыка не мешала представлению, стояло чудо-чудное – кукольный балаган, и все местные – и стар, и млад – поскорее торопились на представление, ведь редко когда увидишь подобное зрелище.

Возле кукольного домика готовил представление чтец – дремучий старец с длинной седой бородой. Лысую его голову покрывала необычная круглая шапка наподобие колпака, но с тупым концом. Цвет шапки был в масть с цветом длиннополого халата, изображающим ночное небо со звёздами, – ни дать ни взять звездочёт из южных земель приехал со своей древней наукой. Халат когда-то был красив, но поистрепался за годы путешествий и многотысячных выступлений перед почтенной публикой.

Седой старик-кукольник был слеп, его поражённые катарактой глаза были покрыты мутно-сизым диском, стирая грань между зрачком и радужкой. Само собой, в одиночку он с театром не справился бы: путешествовать, вести подсобные дела, управлять куклами и ухаживать за лошадью, что упорно возила за собой весь театральный скарб, старцу помогал юный отрок – то ли внук, то ли просто сирота, счастливым случаем судьбы не повторивший путь сотен ему подобных обездоленных детей, оказавшихся в тисках голодной смерти либо забитых батогами до смерти за воровство еды. Парнишка расторопно раскрыл занавес, выставил кукол на маленькую сцену, что-то шепнул на ушко древнему чтецу и мгновенно скрылся в повозке, дабы оттуда управлять священным лицедейским искусством – творить и показывать Историю, что испокон веков одна и та же, и лишь бесконечные её вариации по-прежнему рождают и будут рождать интерес к происходящему на миниатюрном помосте бытия.

Рассказчик-звездочёт на удивление бодрым и громким для его ветхой наружности голосом начал привлекать народ к своему представлению:

– Люди добрые, судари и сударыни, детвора и умудрённые годами! Подходите, не стесняйтесь, удобней здесь располагайтесь. Сегодня представление всем на удивление! Из далёких стран за морем я привез вам быть чудную! Что-то слышал, что-то видел, – старик подмигнул в толпу, раздалось несколько смешков, – что-то приобрёл задаром, кое-что пришлось купить! Всё для вас в сей ценный час! Где-то сказка, где-то быть, где-то правда, где-то пыль – всё как в жизни, всё как в шутке, там где есть лишь доля шутки. С чем купил, с тем и продам, а кому-то просто дам – ради утехи, для улыбки и потехи!

Рассказик завершил прелюдию и глубоко поклонился, предусмотрительно прижимая длинную бороду к халату, дабы ненароком не извалить её в пыли.

К началу представления перед кукольной повозкой и так стояло немало народу в тягостном ожидании, а сейчас, после объявления старика, на чудо-чудное ринулись посмотреть ещё пара-тройка десятков людей, ни продохнуть, ни протолкнуться, все встали вплотную.

В той толпе стояли и Велена с Ингой, а маменька с Магушей предпочли пройтись по рынку и сладостей новых опробовать.

– Кукольный театр? Фи! Что мы, маленькие, чтобы на кукол пялиться и байки слушать? Пойдём, Магуша, там интереснее, – да-да, вот прямо так маменька и сказала.

– Приготовьтесь, гости дорогие! – загадочным голосом продолжил кукольник. – Мы покажем вам мистерию, мифическую историю, которая случилась в далёких южных краях, а может быть, даже в другом мире в те времена, когда боги ещё спускались на бrenную землю.

Старик, наконец, отошёл и встал сбоку от сцены, чтобы вещать оттуда сюжет пьесы.

Глаза Велены горели жарким искренним интересом, она с неотрывным вниманием, как и большинство зрителей, следила за игрой кукол. А у них там раскрывалась настоящая трагедия: титаниду Медузу Горгону обидел Посейдон-олимпиец, а потом его сын и вовсе её убил.

Публика притихла, она внимала каждому слову рассказчика, на глазах у многих выступили слёзы, им было жалко богиню, несправедливо обиженную похотливым владыкой морей.

Долго ли, коротко ли слагался сказ, но наступил момент, когда старик скорбно замолчал, медленно понизив голос до тишины, а занавес из бордовой ткани опустился. Публика рыдала, опечаленная судьбой Медузы. Кукольник вышел и встал перед сценой.

– Досточтимая публика, эта пьеса завершилась. Да, это не любовная история и не комедия, а откровенная трагедия судеб, такова жизнь. Но завершилась лишь часть, но не вся история: в будущем известные вам персонажи возродятся, и у Медузы будет всё хорошо, ибо в подлунном мире нет постоянства ни в горе, ни в радости.

Народ, как по мановению волшебной палочки сменив настроение, разразился громкими овациями и восторженными криками.

– Дорогие гости, сейчас мы дадим вам немного передохнуть, а пока подготовим следующее представление. Обещаю, в этот раз вам будет весело! – дремучий рассказчик изящно поклонился.

Толпа начала ненадолго расходиться, юный помощник кукольника засуетился, убирая одни куклы и выставляя другие, а ведь ещё надо было быстро сменить миниатюрные декорации.

Спектакль оставил тягостное впечатление на душе Велены, словно ей была знакома эта история. Ей стало тревожно, как будто дурное предзнаменование промелькнуло над её головой. Она подбежала к собравшемуся было подняться в повозку старику и аккуратно придержала его рукой.

– Прошу великодушно меня простить, я не хочу отнимать у вас много времени, но позвольте спросить... А когда будет продолжение пьесы? Там, где у главной героини будет счастливая судьба.

Чтец обернулся на голос и взял Велену за руку.

– Вижу, взволновала тебя судьба титаниды, дочка. Что ж, мне нечего ответить на твой вопрос, потому как продолжения ещё нет.

– Как так, вы же говорили, что в будущем у Медузы Горгоны всё сложится иначе?..

– Будет! Воистину так будет, ведь слепые иногда видят то, что недоступно зрячим. Медуза действительно воскреснет, но где и когда это произойдёт, мне неизвестно. Мифы – это не выдумка, это иносказательно записанная быль. Однажды в этой непостижимой Вселенной мистерия оскорблённой титаниды продолжится, уверяю тебя, дочка. А сейчас прошу меня простить, мне надо готовиться к следующему представлению.

Слова кукольника о непременно и счастливом продолжении легенды вселили радость в сердце Велены и прогнали зародившуюся печаль.

– Благодарю тебя, дедушка, за интересное представление и за надежду!

Глава 5. Осквернение

*Красотою блистая,
Многих она женихов завидным была упованьем.
В ней же всего остального стократ прекраснее были
Волосы. Знал я людей, утверждавших, что видели сами.
Но говорят, что её изнасиловал в храме Минервы
Царь зыбей. И Юпитера дочь отвернулась, эгидой
Скрыв целомудренный лик.
Овидий «Метаморфозы»*

Место действия: планета N в двойной звёздной системе, северный регион.
Время действия: однажды в стародавние времена.

Хорс уже давно исчез за горизонтом, склонялся к закату и Ярило, скоро наступит самая короткая ночь в году. Дивия и Сирегония явили на небе свои лики. Молодежь запалила огромный костёр Черевеня – пусть пылает, полыхает, взматается до самого до неба! Вокруг главного костра зажгли четыре поленницы, ориентированные по сторонам света.

Красны девицы и добры молодцы взялись за руки и закружили хоровод вокруг пламён. Звонкий девичий голос пронзил пространство, эхом разлетаясь над близкой рекой и бескрайним лесом:

– Черевень, Черевень, настаёт извечный день!

И все остальные хором громогласно подхватили напев, звуки сливались воедино, усиливая друг друга и набирая мощь:

*– Черевень, Черевень,
настаёт извечный день!
Рожь под небом, зерно в поле,
Мы добудем счастья долю!
Черевень, Черевень,
река, лес, а в лесу пень!
Рожь, пшеница колосится —
Урожай наш уродится!*

Песню спели, хоровод докружили, пришла пора разбиваться по парам и прыгать через малые костры, очищая и обновляя себя, аки сама природа обновляет свои циклы. Магуша и Инга глаз практически не сводили с Радимира, лишь изредка стреляя друг в друга ревностными молниеносными подглядками. Каждая ждала и лелеяла надежду, что выберут именно её. И Радмир ожидаемо выбрал – Магушу. Ожидаемо для тех, кто знал о соперничестве сестёр. Инга обиделась, насупилась и утопала домой, мысленно дав себе зарок более не терзать сердце любовными играми, а костыми лечь, но убедить отца отныне взять её в торговое дело всецело и полностью. К этому времени Ярило опустился за горизонт, и наступила ночь, освещаемая яркими звёздами и лунными сёстрами.

Для Велены пары не предвиделось, да и не горела она желанием её искать, поэтому, задрав подол сарафана, ловко перепрыгнула через костёр и собралась в сторону дома, решив дать крюк и прогуляться вдоль реки. Велена умыла лицо в Вешне, стряхнула капли в траву и пошла, не утираясь и дав волю ветру высушить воду на коже.

Вокруг деревни росло немало лесов, которые бесконечно тянулись до самого горизонта и дальше, изредка перемежаясь полями, рекой и сёлами. Дочке купца идти было недалеко: немного вдоль реки, потом вправо, через пролесок, там и дома начинались. Сплошной дремучий лес с кострами, плясками и теми парами, кто хотел уединиться в чаровную праздничную ночь, остался позади. Велена зашла в редкий пролесок, сквозь деревья которого виднелось

начавшее сереть небо, тут пройти его – всего да ничего, но внезапно впереди, из самой тьмы у земли, на девицу взглянули два алых горящих глаза. Велена уже видела этот взгляд, горящий голодом и похотью, – она сразу вспомнила Кудеяра, пристававшего которого легкомысленно постаралась забыть.

Оборотень поднялся с земли, обнажив тёмный силуэт. Велена хотела вскрикнуть, но голос застрял в глотке, а потом и вовсе провалился в живот. Ей хватило сил только на то, чтобы развернуться и с вырывающимся из груди сердцем помчаться обратно к кострам – там люди, там есть шанс спастись. Мгновение спустя купцова дочь опрокинулась вперёд от удара сзади, и на её голову накинута мешок. Дальше были только ощущения: колдун привязал её к своему телу и поскакал рысью, Велена чувствовала жуткую тряску, слышала громкое нечеловеческое дыхание. Видать, волком обернулся, догадалась девица. Свободными пальцами она вцепилась в густую шерсть, не желая свёрзываться на большой скорости на землю.

Волколак с добычей нёсся недолго, вскоре он перешёл на шаг, а потом и вовсе остановился. Велену бесцеремонно сбросили на землю. За время скачки страх не уменьшился, но она хоть немного смогла собраться и взять его под контроль – уже не хотелось закрыть глаза и поскорее умереть, а появилось желание бежать и спастись, даже, возможно, царапаться и кусаться, лишь бы выжить. Верёвка, по ощущениям, ослабла, и жертва поскорее встала и сняла с головы мешок. Перед ней стоял самодовольный Кудеяр с высокомерной улыбкой, а похоть из его взгляда никуда не исчезла, скорее, наоборот, стала ещё больше, она словно вытекала из глаз и обволакивала девушку в тугие тенета.

Велена узнала место, где они находились, хоть и не была здесь сама, а лишь наблюдала издали: за спиной оборотня находилась хата его племянницы Люты, значит, бежать туда и просить помощи не имело смысла. Тут мысль как молнией пронзила девушку – святилище Люты! По слухам она помнила, что за домом, то есть где-то позади неё, есть капище, где колдунья исполняет обряды и возносит молитвы Тёмным Древним богам (в деревне на словах Люту хаяли, мол, чёрная злая ведьма, а на деле очень многие к ней за помощью обращались, и за лечением в том числе, оттуда и слухи вполне достоверные). На святом месте есть шанс, что Кудеяр не посмеет напасть на Велену.

Девушка развернулась и побежала что есть мочи. Далеко ли девка может убежать от здорового мужика, да ещё от оборотня? При желании колдун не позволил бы даже встать на ноги. И сейчас он без усилий бежал за Веленой, то догонял, хлопал по заднице и громко злорадно смеялся, то снова слегка отставал, даря мимолетную иллюзию на спасение. Вот он в очередной раз догнал несчастную девушку и подставил ей подножку, Велена больно упала лицом на землю, заметно испачкавшись. Она заплакала – даже не столько от боли, сколько от обиды, что этот негодяй всю изголяется.

Велена вновь вскочила и закричала:

– Чего тебе от меня нужно, грязный ублюдок?!

– Грязный? – заржал Кудеяр. – Ты на себя посмотри, замарашка. Что же мне от тебя нужно?.. Может, сама догадаешься с трёх раз?

Он откровенно, не скрываясь, играл и издевался над девицей.

– Убегай, Велена, потешь дяньку, растяни удовольствие! – прорычал Кудеяр, и его сине-ледяные глаза вновь вспыхнули алым огнём.

Велена побежала – это было лучше, чем просто стоять и ожидать страшной участи, а она не сомневалась, что колдун не оставит её в живых. Вот оно, капище! Девушка вскочила на чёрные камни, опёрлась на алтарь, с трудом переводя дух, и медленно повернулась к преследователю.

– Всё, негодяй, ты не успел! Это святое место, капище твоей племянницы, храм Тёмных Древних богов. Здесь я под защитой! – Велена говорила твёрдо и чётко, ведь она была абсолютно уверена в правоте своих слов.

От Кудеяра прилетел лишь смешок. Он бросился на девушку, опрокинул её на алтарь, разорвал одежду и насильно овладел ею. Велена сначала пыталась сопротивляться, но после пары ощутимых ударов успокоилась и отдалась на волю жестокого рока, лишь моля всех богов, чтобы это скорее закончилось.

В процессе, распалившись от страсти, Кудеяр пару раз превращался в большого чёрного волка с пепельной шерстью на голове, разорвав на себе всю одежду, потом вновь принимал человеческое обличье. Становилось светло – Хорс выбрался на небосвод. В этот момент оборотень завершил своё мерзкое дело, в пике экстаза поднял голову вверх и громко завыл. Вой был оглушающим, разлетелся, верно, аж по соседним городам и весям. А потом колдуна и след простыл.

Глава 6. Чудовище

*Чтоб грех не остался без кары,
В гидр ужасных она волоса обратила Горгоны.
Ныне, чтоб ужасом тем устрашать врагов оробевших,
Ею же созданных змей на груди своей носит богиня.
Овидий «Метаморфозы»*

Место действия: планета N в двойной звёздной системе, северный регион.
Время действия: однажды в стародавние времена.

Велена не знала, сколько она пролежала, вглядываясь в голубое небо сквозь верхушки сосен. Между ног болело, а внутри ощущалось что-то горячее. Слезы беззвучно стекали из глаз, ей хотелось лишь умереть, чтобы случившийся кошмар исчез, чтобы не помнить о таком унижении, чтобы не было кому помнить. Пару раз даже промелькнула мысль дойти до Вешни и утопиться. Девушка отбрасывала эту мысль, но та крепла и возвращалась. От греховных мыслей её отвлекли приближающиеся шаги, Велена нашла в себе силы сесть и увидела ведьму Люту, выражение лица которой не предвещало ничего хорошего.

Едва подойдя, Люта зашипела:

– Ах ты тварь, блудница-потаскуха! На моём алтаре решила потрахаться, иного места не нашла?!

У Велены отнялся язык, она даже сразу не нашлась, что ответить на эту гнусную ложь.

– Ты осквернила моё святилище, шлэнда-распещерка! За это ты получишь наказание, достойное сделанного!

– Это твой дядя изнасиловал меня, Люта! Не по своей воле я здесь оказалась...

– Заткнись, курва! Не оправдывайся, уже поздно.

Люта подошла ещё ближе, вперила неотрывно свой разъярённый взгляд на Велену, развела раскрытые ладони в стороны и начала читать:

*Небо ясно надо мною,
силы Тьмы всегда со мною.
Воздух и земля вокруг
Мне в подмогу встанут в круг.
Как краса пришла на лик,
так с проклятьем и уйдёт.
Стройный стан согнётся вмиг,
Волдырями поползёт.
Кто в глаза хоть раз заглянет,
Тот покойником престанет.
Всегда быть тебе одной
С горем, страхом и бедой!
Силой хтони, силой зла
Получи, мой враг, сполна!
Жабий облик, хвост змеи,
Жад-Владыка подари!*

Отныне и до скончания твоего срока носить тебе новый образ! И никому в подлунном мире не хватит сил моё проклятие снять!

Мастеру в упад, моему делу в отлад!

Абра. Дабра. Джад.

Да будет так!

Люта произнесла заклинание, с видимым напряжением хлопнула в ладони и сцепила пальцы в замок, одновременно она прикусила язык до крови, да так сильно, что по подбородку потекла тонкая струйка крови. Из рук ведьмы вырвалось ядовито-зелёное пламя и окутало Велену, выкручивая и выламывая её плоть, злое колдовство творило свою работу: ровное тело согнулось, вырос горб, кожа ссохлась и потрескалась, покрылась гнойными волдырями, чудесные густые волосы сначала истончились, а потом превратились в тонких мёртвых змей, которые безжизненно висели и источали сильное зловоние. И только изумрудные глаза несчастной девушки остались прежними.

– А теперь убирайся отсюда, чудовище! – прокричала Люта. – Беги, Велена, беги прочь и никогда не возвращайся!

Велена, всхлипывая от боли – всё её тело будто разваливалось на кусочки, а суставы ног выкручивало, как у столетней старухи, – поковыляла к реке, горя желанием уйти под воду навсегда. Долго шла, ноги еле передвигались, награждая пронизывающей болью при каждом шаге, но, наконец, добралась до Вешни. Не раздеваясь, вошла в воду, увидела своё отражение и только сейчас обратила внимание на гнойники по всему телу и лицу. Красивая девушка превратилась в страшилище. Велена заплакала и решила сейчас же с этим покончить – она пошла на глубину, поплыла, неторопливое течение её подхватило и мягко понесло. Прощайте, Хорс и Ярило, прощайте, лунные богини, не поминайте лихом, тятя с маменькой, не скучайте, любимые сёстры. Так подумала Велена, сделала глубокий вдох и нырнула, стараясь уйти на дно, а это оказалось не так просто – вода выталкивала вверх, а течение старалось выбросить тело ближе к берегу.

Девушка боролась, барахталась, гребла ко дну изо всех сил, которых почти не было. Лёгкие вспыхнули огнём, голова закружилась, тело на миг безвольно повисло в воде, а река тут же отнесла его на отмель. Велена встала и глубоко вдохнула, голова её оказалась уже над водой. С первого раза стать утопленницей и потом превратиться в русалку (всё лучше, чем ходить по свету чудовищем) не получилось.

Впереди по течению на берегу росла большая ива, корни её наполовину были в воде, покрытые зелёной плёнкой ила. К ней-то и направилась незадачливая утопленница, чтобы надёжнее удержаться под водой и не позволить телу всплыть. Как извитые сосуды, толстые корневидища выстраивались в кривую разветвлённую систему, Велена набрала воздуха и поднырнула под них, села на дне. Теперь-то тело не отнесёт течением в сторону и даже после смерти не поднимется на поверхность.

Девушка закрыла глаза, приготовилась уйти из этого жестокого мира в благословенную тьму хоть ненадолго. Да, после смерти, как и все утопленницы, она попадёт на службу к водяному, но вряд ли там хуже, чем на белом свете. Обесчещенная, осквернённая, униженная, обиженная, изуродованная Велена мечтала о смерти, это был выход от страданий. Она выпустила воздух из лёгких, пузыри, лавируя между корнями, быстро поднялись вверх.

Воздух заканчивался, лёгкие начали гореть, сердце учащённо забилося, стараясь обеспечить тело живительным кислородом, голова закружилась, нестерпимо хотелось вдохнуть, хоть глоточек, хоть разок... «Терпи, осталось совсем чуть-чуть, скоро всё закончится. Надо только собраться и резко вдохнуть воду в себя», – уже с трудом размышляла утопленница, её хаотическое состояние не способствовало ясному движению мыслей. Но она всё тянула до последнего, не решаясь впустить реку в себя.

Финальная точка достигнута, тело кричало, требовало воздуха и сделало вдох. Велена закашлялась, забилась, потеряв связь с действительностью, разум её в тот момент отключился, а дальше инстинкт самосохранения, взяв бразды правления в свои руки, вытащил девушку на поверхность. Способность осознавать происходящее вернулась к несчастной уже на берегу, когда она в коленопреклонной позе откашливалась и изрыгала из себя речную воду.

Велена упала на спину и заплакала от слабости и отчаяния. Что-то внутри неё слишком хотело жить, и не давало так просто избавиться от страданий. Ей не хватило сил победить это «что-то». Оставался вариант идти домой, рассказать родным о происшествии в надежде, что они ей поверят, хотя сейчас в сторбленной уродице с мёртвыми змеями вместо волос невозможно было признать младшую дочь купца Стояна. Девушка оборвала подол платья, замотала лицо и голову, оставив только узкую щелочку для глаз, и направилась, хромя, в деревню.

По деревне Велена шла, прижимаясь к заборам и глядя к себе под ноги. Ей повезло – после Черевеня на улицах практически никого не было, народ отсыпался. Долго ли, коротко ли, но доковыляла проклятая до ворот отчего дома и постучала. Стучать пришлось ещё несколько раз, потому как по привычному времени ночь на дворе, хоть и Хорс на небе ярко пылает. От стука проснулся ещё не протрезвевший пастух, он же конюх Тимофей, спавший на сеновале, и разразился гневной матерной тирадой.

– Кого там черти принесли в ночь глухую?! Аглашка, етить твою мать, иди открывай! А то хозяйка, не дай боги, проснётся, – орал Тимофей, не догадываясь, что в первую очередь его крики могли разбудить купчиху.

Аглашка, ругаясь шёпотом, простоволосая и босоногая, как спала, добежала до калитки.

– Чего вам надобно?

– Аглаша, это я, Велена, – проговорила девица и ужаснулась – голос её стал старческим и сирым.

Аглаша не узнала свою сударыню по голосу, поэтому открыла калитку, чтобы взглянуть.

– Велена? Что-то голос не... – тут взгляд дворовой Аглаши наткнулся на яркую зелень глаз Велены, и это было последнее, что она видела на своём веку, – девка упала замертво.

Проклятая наклонилась над телом любимой служанки и убедилась, что дыхания нет, Аглаша действительно умерла. Тут вспомнились Велене слова проклятия:

«Кто в глаза хоть раз заглянет,

Тот покойником престанет.

Всегда быть тебе одной

С горем, страхом и бедой!»

Вот оно и сбылось, хочешь верь, хочешь не верь в колдовство Люты, а доказательство лежит рядом – первая жертва готова. Велена заплакала, её всю затрясло от происходящего. За что же такая несправедливость?! Сначала изнасиловали, потом превратили в чудовище, теперь и служанка умерла от одного только взгляда на неё! Больше нельзя находиться среди людей, это хуже, чем проказа! Велена встала, пожар в её сердце пылал, с адской болью выжигая всё дотла – она больше никогда не увидит родителей и сестёр, больше никогда не вернётся к людям, уйдёт в лес, может быть, там судьба над ней смилуется, и её загрызут дикие звери. И ушла она в дремучий лес, и шла, и шла, куда были силы.

Глава 7. Неудачная охота

*Когда ангелам отрезают крылья,
Они пересаживаются на метлу.
Пословица*

**Место действия: планета N в двойной звёздной системе, северный регион.
Время действия: однажды в стародавние времена.**

Горбатая старуха с незаживающими язвами и потрескавшейся кожей медленно брела по лесу в поисках постоянного пристанища. Она уже подобрала себе подходящую корягу в качестве клюки, передвигаться стало немного легче. Велена, памятуя о своём проклятии (до последних своих дней она не забудет об умершей по её вине Аглаше), старательно обходила людские селения за три версты, пила из ручьёв, питалась кореньями и ягодами. Спустя несколько дней после ухода из родного дома она, наконец, наткнулась на зимнюю хижину охотников. Дом-временка, небольшой, всего с одной комнатой, зато там был очаг с трубой и запахом дров, деревянные нары вместо кровати, а в пешей доступности начинались Волотные горы, с которых стекал ручей, позже образуя небольшую речушку. А главное, что в непосредственной близости не было никаких деревень и сёл. Велена не поленилась, специально поднялась в горы, чтобы с высоты обозреть местность и убедиться в этом.

Отверженная для людей, девушка была несказанно рада найти хоть временное пристанище. Здесь, в хижине, она и стала жить.

Так и жила Велена в одиночестве, тоскуя по дому и родным. Плакала она ночами, горюя о невозможности вернуться к привычной жизни и к молодому, здоровому и красивому телу. Бывало, кричала она в небеса в порывах особо острого отчаяния:

– За что мне это, боги?! Чем я прогневала судьбу? Ответьте, Тёмные Древние, или вы, Великие Оформители, ответьте, хоть кто-нибудь!

Молчали небеса, ни знака не приходило от богов – иногда молчание вышних является частью наказания, тайна которого известна лишь Прядущим Судеб.

Однажды три охотника пошли за дичью, один бывалый и два молодых. Всеволод, Василько и Ёрш – такие имена им выбрал местный волхв при их появлении на свет. Всеволод учил молодёжь, передавал свои знания в искусстве добычи дичи, показывал тонкости на примере, он был хорошим охотником, жил и кормился этим ремеслом. Но в этот раз, видимо, сам Велес прогневался на него, потому что за целных два дня поисков лесного зверя поймать удалось только тощего зайца, которого тут же зажарили на костре и съели. Запасы сухарей, взятые с собой на промысел, подходили к концу.

Всеволод мысленно клял себя последними словами, что перед походом не пошёл к волхву с просьбой сделать щедрое подношение богу-медведю, а ведь собирался! А всё жонка Первуша дорогу испортила, и ведь знала, что не надо хай поднимать перед охотой. Охота – это не только непростой труд, а ещё и опасный: бывает, заплутаешь слегка, тут и волки начеку, а ещё можно и на косолапого нарваться, а там и копьем не отобьёшься. Идти на промысел надо с подготовкой, с внутренним сосредоточением, с молитвой скотьему богу. А Первуша раскричалась, ухватом пыталась огреть, скандал учинила, вот Всеволод и удрал поскорее в лес от дурной бабы, не успев сделать всё как следует. И было бы ради чего ор поднимать! Он особо ничего и не сделал, ну потрогал соседку Бажену за гузно, сочное, мясистое и большое, ну бывает, дальше же руки не распускал. Ну пару тушек диких уток отдал – тоже доброе дело. Так ведь Бажена – вдова с малым дитем, ей и ласка мужская и дичь только в помощь. Но Первуша считала иначе, да и Велес-батюшка, видимо, всё же осерчал, потому что ни мелкого, ни крупного зверя троиче горе-охотников не попадалось.

Снова ночь, толком не спится, в животе урчит, а вертаться с пустыми руками совсем не хочется – позор таким зверобоям, засмеют. Предраассветные сумерки встретили Всеволода, Василько и Ёрша бодрствующими. Наспех собрали они лагерь и пошли дальше искать удачу, и совсем скоро она им, казалось бы, улыбнулась – впереди показалась косуля! Она стояла не слишком далеко, ближе, чем на перестрел¹. Старшой поднял кулак, призывая к тишине. Знаки давно изучены, тело само, без напоминаний и слов помнит команды к действию: все трое тут же одновременно присели на корточки под укрытие кустарников. Всеволод медленно и бесшумно снял с плеча лук – верный товарищ, с костяной рукояткой, из ильма и орешника – взялса левой рукой, покрытой щитком, наложил добрую стрелу, натянул правой тетиву, та загудела, прицелился и отправил смертельного посланника.

Всеволод был опытным стрельцом, давно его рука не знала промаха – и на расстоянии перестрела, и более того. А здесь косуля вильнула в сторону, и стрела исчезла в гуще леса. Обычный пугливый зверь сбегает после того, как в него стреляют. А косуля продолжала стоять и жевать свою жвачку, лишь бросила косой взгляд на троицу, как на что-то незначительное. Охотники глазам своим не поверили, не было такого на их веку.

Старшой глубоко вдохнул и выдохнул, гася разгорающийся гнев в груди и не глядя на удивлённые лица молодых помощников, достал вторую стрелу. Прицелился – айда, родная, не подведи! – и послал в круп оленихи, чтобы уж наверняка не промахнуться. Животное, будто чуя погибель на приближающемся острие, отпрыгнула в сторону, ещё раз обернулась на незадачливых стрельцов и исчезла в чаще.

– Тпрруу, братья, спешивай, так мы дальше точно никуда не уедем. Нутром чую, что не видать нам никакой добычи, к ведьме не ходи, целыми бы до дома добраться при таком раскладе. Озлобился лесной бог, мой недочёт, каюсь – Первуша попутала, раз так её и эдак! Надо хоть попробовать исправить. Так, Василько, шкурку зайца доставай и сухари. Ты тоже, Ёрш, не скупись, вываливай остатки припасов.

Бывалый охотник не знал всех тонкостей ведовства, как обращаться к богам, что можно подносить, что нельзя, но что-то надо было делать, и он решил сделать, как смекалка подсказала. Василько достал наспех промытую в речке шкурку зайца из мешка с солью, вынул из котомки горсть сухарей, а больше и не было, и отдал Всеволоду, а тот сложил всё под большую ель, положил сверху стрелу из колчана, опустил на одно колено и зашептал:

– Прости, Велес, прости меня, Медведь! Вижу я, что разгневался ты, вину свою признаю. Прошу, прими наши дары, позволь нам хоть с малой добычей домой вернуться.

Тут старшой махнул молодым охотникам рукой:

– Подите сюда! Присоединяйтесь, вместе попросим, не мне ж одному это надо.

Василько и Ёрш встали рядом с Всеволодом в той же позе. Всеволод скомандовал:

– Так, повторяйте за мной: Велес-батюшка, прости нас, не серчай! Возьми подношение, позволь с добычей до хаты дойти.

Молодёжь повторила. Так они простояли молча ещё пару минут. Ёрш не выдержал и спросил:

– Дядь Всеволод, всё уже?

– Да я ж откуда знаю? Я не волхв, знаков в небе читать не умею... Наверное, всё. Мы сделали, что могли. Уходим отсюда. До дома два дня идти, коли бог услышал, подстрелим зверя. Только сначала пойдём, воды наберём, здесь рядом речушка течёт из Волотных гор, до них рукой подать.

Звероловы встали и отправились за водой перед нескорым возвращением. А на речке им повезло – видать, Велес всё-таки услышал их обращение – сидела там стая уток, в три руки они быстренько успели десяток птиц сбить. Не огромный, но неплохой улов, тем более, его ещё дотащить до дома надо. Охотники живо удалили кишечник у добычи, можжевельником и польнью набили рот и брюшко тушек и засунули их в мешки с солью, которые брали с собой

в лес. Соль тяжелая, много не натаскаешься, но и малого количества было достаточно, чтобы свежая птица не портилась три-четыре дня. Пару уток решили сразу же съесть. Василько пошёл было к лесу, чтобы набрать дров, как Всеволод его остановил.

– Погодь, малой, у меня есть идея поинтереснее: если память не подводит, а я пока на неё не жалуясь, через эту полянку ближе к горам должна стоять хижинка лесная, а в ней очаг и дрова есть. Пойдём туда, там сподручнее готовить будет.

Василько пожал плечами – он, мол, и в лесу веток насобирать не поленился бы – но старшему виднее.

Велена слышала охотников издалека, когда они ещё у реки стреляли уток – стая подняла громкий гвалт и привлекла внимание девушки. Чтобы добраться до избышки, Всеволоду с сотоварищами необходимо было пересечь поляну и немного углубиться в лес. Они пошли друг за другом: первым бывалый зверобой, за ним Ёрш, Василько замыкал сзади.

Велена встала на краю поляны так, чтобы её было видно, отвернула лицо в сторону и громко, насколько позволяли её охрипшие связки, прокричала:

– Стойте! Не приближайтесь сюда!

Охотники вздрогнули, резко остановились, Всеволод и Ёрш мгновенно скинули с плеч луки и натянули стрелы, Василько вынул из-за пояса лёгкий топорик – с луком он обращаться умел, но недолюбливал.

– Кто говорит? – прокричал в ответ старшой.

– Я Велена, я здесь живу! Не приближайтесь, а то вам худо будет!

– Что за баба? – прошептал сзади Василько.

– Да леший её знает. Просто баба какая-то, стоит, орёт, нас не хочет пускать, причём на нас не смотрит, в сторону горланит, – прошипел Всеволод и снова обратился к незнакомке. – А чего это ты раскомандовалась?! Охотничья хижина зимняя, она общая, для того и строилась. По какому праву ты себя хозяйкой там возомнила?!

Велена не собиралась рассказывать свою несчастную историю, да и горло уже устало кричать, поэтому она просто ответила:

– Предупреждаю в последний раз: если приблизитесь, то умрёте!

Всеволод плевать хотел на какую-то бабу, которая своевольно заняла общую избы. Поэтому двинулся вперёд, но медленно и осторожно, держа оружие наготове, внимательно вглядываясь по сторонам и прислушиваясь – вдруг Велена действительно не одна, и среди деревьев тати и лихие люди спрятались. Но пока всё было тихо, бросал он взгляды и на Велену, стоящую к ним боком в своей потрёпанной одежке: она оставалась в той же позе, никаких сигналов и знаков в чашу не подавала.

Бедная Велена, чувствуя на себе гнёт проклятия и вину за смерть Аглаши, не хотела никому причинять вреда, но эти мужики её достали! Она ушла подальше от всех людей, чтобы никого не беспокоить, чтобы никого не убивать, так нет, припёрлись охотнички и прутся дальше, не слушая её! А ведь она их предупредила. Велену затрясло от переполняющего гнева, в памяти начал всплывать образ Кудеяра, насилующего её, его довольная похотливая улыбка, его острые зубы и сильный запах псины. Этот образ незаметно начал сливаться воедино с мужчинами, приближающимися к ней с заряженным оружием. Всё, хватит терпеть! Чудовище зарычало и развернулось лицом к охотникам, старательно и прицельно устремив свой взгляд в глаза Всеволоду.

Старшой охотник заметил, что баба у опушки леса повернулась к ним, и обратил своё внимание на неё. Словно яркие лучи солнца, бликующие на разбитом в осколки изумруде, вонзились в его глаза и ослепили навсегда. Всеволод рухнул, как подкошенный, его история завершилась. Ёрш, видя, что произошло, резко рванул вперёд и на бегу выстрелил в Велену. И он тоже встретился с ней взглядом – мёртвое тело Ерша по инерции ещё совершило пару слабеющих шагов и упало мордой в землю. Ёрш стрелял на бегу, навскидку, расстояние до

девушки было приличное, поэтому стрела уже на излете вонзилась Велене в бедро – вошла неглубоко, но этого было достаточно, чтобы причинить жуткую боль. Над поляной раздался громкий звонкий крик чудовища, полный отчаяния, ярости и злобы. Василько, видя, что его товарищи убиты, выяснять подробности и тем самым испытывать судьбу не стал, миг развернулся и дал дёру зигзагами в опасении, что сзади прилетит стрела.

Встреча с охотниками, закончившаяся для последних плачевно, стала судьбоносной в жизни Велены и сильно изменила её взгляды: девушка озлобилась, выпустила с трудом сдерживаемые боль и отчаяние наружу и обрушила их на людей. Ни один монстр не был рождён таким изначально. Металл как исходный материал, конечно, не превратить в дерево, но ровный стержень можно значительно изуродовать. Агрессия, мучения и несправедливые наказания лепят из человека чудовище, чья незаживающая рана внутри толкает на страшные поступки, цель которых – страдание жертв в качестве подсознательной компенсации своей боли. Но рана не заживает от насилия, а только раскрывает свою ненасытную пасть всё больше, и изувеченный индивид падает всё глубже и глубже под грузом новых жертв своей ярости.

Немало сил потребовалось, чтобы оттащить мёртвые тела Всеволода и Ерша подальше в лес, чтобы вонь их разложения не доносилась до хижины, закапывать тушки у девушки не было ни сил, ни инструментов, ни желания. Изъятие железного наконечника из бедра дополнительно добавило мучений и на пару недель усилило хромоту, зато проклятая разжилась отличным охотничьим ножом, топориком и нажарила утиного мяса, коего уже давно не пробовала, перебиваясь впроголодь подножным кормом. Божественный и сытный вкус мяса натолкнул девушку на мысль, что ей с её наказанием нет нужды в луке для охоты, ведь вместо этого есть смертоносный взгляд, которым можно завалить любую дичь, независимо от её размера. Так Велена, используя проклятие, со временем стала охотиться на зверя.

Молодой охотник Василько в рекордные сроки добрался до родной деревни. Пришёл к старосте, рассказал о смерти Ерша и Всеволода, по его словам у подножия гор жило огромное чудо-юдо, которое чуть ли не огнём плюётся. Признаваться в том, что на охоте они встретили какую-то бабу, что он так и не понял, каким именно образом погибли его товарищи, а подползти ближе и узнать точнее он побоялся, зверолову было стыдно. Потому-то сказ его получился с волшебными дополнениями. Василько горел желанием взять десять-двадцать мужиков и пойти отомстить за убиенных охотников, стереть чудище с лица земли, о чём он непрестанно повторял, пуча глаза в потугах выразить всю эмоциональность и искренность порыва.

Староста, мудрый седобородый муж, не разделял горячих устремлений Василько. Люди были нужны ему здесь, живые. То, что охотники встретили на промысле Змея – это ещё бабка надвое сказала, но вот на татей нарваться могли, тем более так далеко от деревни забрели. Да и вообще, охота – дело опасное, всякое случается. А коли людей пошлешь, а они не вернуться? Семьям нужны кормильцы, а селу нужны мужики. Лишь единственный довод склонял старосту Ладоя отправить-таки людей вместе с Васильком к Волотным горам: хорошо бы тела Всеволода и Ерша найти и похоронить, если дикие звери ещё не растащили.

Староста созвал малый сход. Василько заново поведал историю, его актёрский талант требовал выхода, он и разошёлся: ходил, жестикулировал, описывал всё в красках, тут у его чуда-юда уже и змеи на голове шевелились и шипели, ядом брызгали, а там где яд упал – земля выжженная оставалась. А ещё младому охотнику показалось, что там не одна голова была, но это не точно, клясться не будет. Ладой ухмыльнулся себе в бороду от новых подробностей, дослушал басенку, да не выдержал, высказал:

– Ты, Василько, ври-ври, да не завирайся! С каждым разом у тебя Змей всё страшнее и страшнее, всё больше и больше становится.

– Да я ж... Да там же ж... Что я, врать буду, братцы? – обратился Василько к мужикам. – Ни к чему мне брехать, правду баю! Чудище там, и чудище страшное. Надо собираться ватагой и идти с боем, свести лихо в могилу, чтоб неповадно было!

– Ладно, малой, обожди, – утихомирил староста охотника. И спросил у сельчан: – Мужики, дело непростое, опасное. Змей там или не Змей, на месте разберётесь, но коли Всеволод и Ёрш погибли, а их вы все прекрасно знали, то риск есть. Поэтому никого не неволю. Выходи добровольно, кто чуду-юду бить пойдёт, – с последними словами Ладой с хитрым недоверчивым прищуром стрельнул в Василько, тот сделал вид, что не заметил.

Добровольцами вышли всего пять человек – один уж старик, Всеволода хорошо знал, охотились, бывало, вместе, и четыре молодых работяги. У молодых кровь играла, хотелось приключений испытать.

– Лады, хлопцы! Отряд не большой, но мой наказ вам всем: особо не рисковать, всем живым домой вернуться. Берите оружие, пару заступов, тела закопать, когда найдёте, и в путь. Василько, ты за проводника, веди людей! – напутствовал Ладой добровольцев.

Отряд мстителей шёл ходко, особо по привалам не засиживаясь. Добрались и до злосчастной поляны, где Всеволод с Ершом сгнули. Здесь уже пошли к охотничьей хате в обход под покровом деревьев, держа топоры и луки наизготовку. Но это их не спасло. Велена, озлобившаяся на людей, более не играла в добрую девушку, не кричала издали, предупреждая глупый люд об опасности. Она будто почуяла приближающихся вражин, тенью проскочила по лесу и заметила крадущихся мужиков с оружием. Бесшумно она выныривала из-за неохватных стволов елей и поражала своим взглядом намертво. Василько отбыл в Навь первым. Да и остальные недолго задержались после него на белом свете. Так бесславно закончил отряд мстителей свою историю.

Слухи плывут, слухи бегут, слухами земля полнится. Понеслась весть по городам и деревням, по сёлам и весям, что у подножия Волотных гор завелось чудовище страшное, от одного взгляда которого боевые кони замертво падают, люди вообще гибнут сразу скопом. Где-то Велена в устах баечника превратилась в летающего огнедышащего дракона, в ином краю бабы возле дома под лузг семечек судачили, что не дракон вовсе, а ведьма-оборотень никого к себе не подпускает, всех губит. Народная молва жила своей жизнью, росла и ширилась. Нашлись молодцы, кто хотел геройство и удаль свои показать, мчались они к жилищу Велены, там и смерть свою находили. Опосля главы селений уже и награду объявили за доставку чуда-юда живого или мёртвого, даже удельный князь обещал гривну² серебра за голову, да уж больно трофей кусачий и опасный вырисовывался, не было толп желающих, но всё равно – нет-нет, да находились тати, ушкуйники, иные лихие люди, кои пытались землю от напасти освободить, а заодно лишнюю денгу себе срубить. И они ушли за Калинов мост.

Велена после первого же ранения от Всеволода стала намного осторожнее: на открытые места старалась не выходить, всегда была настороже, прислушивалась, принюхивалась, спать ложилась, трижды убедившись, что никого из людей нет в округе, спала чутко. Тела убитых потихоньку прибавлялись, отверженная их поначалу стаскивала в одно место, зажимая нос от жуткого зловония, источаемого гниющей кучей. Но в зверином мире свои слухи, и вскоре пришли волки и прилетели стервятники, санитары леса. Мёртвых неудачников довольно быстро съедали, не дав успеть завонять как следует. Волки так и поселились неподалёку, при этом к жилищу Велены не приближаясь. Стал у них такой негласный паритет: они к ней не подходят, она их не убивает, зато периодически пищу подкидывает, все довольны.

[1]Перестрел – расстояние в 225 метров.

[2]Гривна серебряная – 204 грамма.

Глава 8. Бессонница

Нет человека – нет проблемы.

А. Рыбаков «Дети Арбата»

Место действия: планета N в двойной звёздной системе, северный регион.
Время действия: однажды в стародавние времена.

Люта весь день по горам, долам да лесам бродила с серпом и большим мешком, травы и коренья для своих дел чародейских срезала – те, что можно было, потому как некоторые только руками надобно выкапывать, иначе они всю силу теряют. Ближе к вечеру возвращалась колдунья домой, уже на подходе почуяла – в доме кто-то есть. Приблизилась тихой сапой и тогда тонким чутьём узнала своего дядю, а миг спустя до неё долетел и запах псины. Тут она, уже не таясь, спокойно вошла в хату.

А зрелище, представшее в хате Люте на обозрение, повергло её в глубочайшее изумление – Кудеяр сидел хмельной и продолжал напиваться, такое она за всю свою жизнь видела впервые. Оборотень бросил мутный взгляд на племянницу и приложился к трёхштофному кувшину, который, судя по всему, за сегодня был не первым. На печи лежал котейка Мыслич и презрительно смотрел на колдуна, всем своим видом показывая, что он просто вынужден терпеть такое противное соседство, и это ему даётся нелегко. Ворон Знанич, например, терпеть не стал отвратное зрелище и улетел на улицу. Кудеяр жадно пил большими глотками, медовуха двумя тонкими струйками стекала по усам на бороду. Наконец, он отставил сосуд, выдохнул, утёрся рукавом и вновь взглянул на родственницу:

– Здрав будь, Люта! Я тут заскочил, посидеть, полялякать, тебя не было, решил дождаться, – речь колдуна была понятной, но уже довольно расслабленной от хмеля.

– И тебе не хворать, дядя, – Люта подошла к подсобному столу, налила себе воды, вытщила травы из мешка. К Кудеяру она стояла боком, специально на него не глядя, выдержала паузу. – Давненько ты сюда не забегал. С того самого дня, как девку на моём капище попортил! – сталь и с трудом сдерживаемый гнев прорывались сквозь оболочку привычных слов. – Неужель стыдно стало?

Оборотень поморщился.

– Ты бы ещё моё детство вспомнила. Кто лихое помянет, тому глаз вон. И вообще, Люта, не тебе меня стыдить, сама не святая! Все мы знаем, чем промышляешь, сам не чужд черно-книжию...

Колдунья резко повернулась и громко хлопнула рукой по столу. Кудеяр вздрогнул.

– Ты мне, пёс шелудивый, капище осквернил!!! Будто мест других насильничать не было! Плевать мне на девку! Плевать на твои делишки! Но зачем было пачкать святилище?! – прокричала Люта, глаза её метали молнии. Котейка, зная норы хозяйки, на всякий случай отполз в угол печки.

Кудеяр гаркнул в ответ:

– Так почистишь! Как будто что-то непоправимое сделал.

– Уже почистила! Сразу же в тот же день!

– Ну вот, видишь, ничего страшного... Ладно, Люта, звяняй, что так получилось. Не собирался я насильничать. К чему мне это, когда любая под мороком отдаться рада? А в этой Велене было что-то внутри – не могу сказать точно, что именно – что дало ей силы не поддаться мороку, что-то чужеродное и мощное, можно сказать, иноземное...

– Может, иноземное, а может, и сила родовая дремала в ней, теперь не узнать. Да и чёрт с ней, она своё сполна получила!

Колдун опустил взгляд и будто взгрустнул.

– Да, теперь и не узнать... Слухи дошли, что у гор чудовище объявилось, людей взглядом губит, никто приблизиться не может. Твоих рук дело?

Ведьма и не думала отпираться.

– Конечно, моих. Я проклятие на твою Велену повесила, и быть ей чудищем до самой смерти, ибо нельзя осквернять моё капище! Вот только люд уже до цельного Змея её разрастил в своих фантазиях, а там всего-то страшная старуха с убивающим взглядом, – Люта торжествовала и улыбалась. Она с радостью жестоко наказала бы и дядю, но здесь не всё так просто: Кудеяр – родственник, носитель старшей крови (а это означает, что её чары на него будут слабо действовать), да и сам тот не лыком шит, колдовской силы у него много, ещё и оборотень, вероятность одолеть такого в прямом магическом противостоянии стремится к нулю. И дядя, и племянница это прекрасно понимали.

– И ты, дядя, полез на алтарь святилища, – продолжила ведьма. – Ладно, моя злость – это мелочь, мы, в конце концов, родня, враждовать я не буду. Но ведь так можно и Тёмных Древних богов разгневать. Ты об этом подумал?!

Дядя вновь приложился к своему жбану, отхлебнул с лихвой, крикнул и выдал:

– Волков бояться – в лес не ходить! Да какой там «думал»! В тот момент я о другом думал. Что сделано, в любом случае не воротишь...

Ведьма немного остыла, вернулась к своим травам, стала их перебирать сорт к сорту и перевязывать тонкой веревочкой в пучки. Мыслич, почуяв смену гнева на милость, приблизился к хозяйке, начал тереться.

– Никогда не видела тебя пьяным. Не верю, что вина к изнасилованной в тебе проснулась, не такой ты человек. Что же случилось, по какому делу ко мне пожаловал? – Люта вполборота испытующе посмотрела на дядю. Тот вскинул голову, надулся.

– Вот ещё! Вина и совесть – это не про меня! – захорохорился он. – Да ещё из-за какой-то бабы? Тьфу! Бабский удел – под мужиком стонать и терпеть. А ещё есть готовить и потомство рожать.

Люта не выдержала и засмеялась в голос.

– Ловко же ты женщинам роль определил. Мне тоже, по-твоему, надо муженька завести, у печи встать и размножаться бесконечно, аки свиноматка?

– Нет, Люта, это было не про тебя, а про баб. А ты не баба, ты – ведьма! – глубокомысленно изрёк Кудеяр. – А пришёл я к тебе просто повидаться, поболтать, да дурмана настойку испросить. Спится мне плохо в последнее время, будто гнетёт что-то, а что – не пойму. Думал, медовуха поможет от бессонницы, но слаба она, толком не берёт.

Ведьма улыбнулась, вот и выдал дядя главную цель своего прихода, да не всю – она чувствовала, что тот не договаривает, прикрываясь бессонницей, но выпытывать не стала. Она заглянула в короб, достала небольшой деревянный пузырёк с крышечкой, протянула родственнику, задержала, когда передавала из рук в руки, привлекая внимание Кудеяра, тот поднял глаза и встретился с Лютой взглядом, ледяная синь напротив чёрной мглы.

– Держи. Дурман поможет ненадолго, но он не устранил причину твоей бессонницы. С причиной ты должен разобраться самостоятельно. Не злоупотребляй настоем, он крепкий, три капля на кружку спиртного, не больше.

Колдун кивнул.

– Знать бы ещё эту причину... Благодарю тебя, Люта, удружила! Надеюсь, что поможет и вернёт мне глубокий сон. Пора и честь знать! – с этими словами Кудеяр поднялся, засунул пузырёк в карман, потянулся было к Мысличу, чтоб погладить (тот яростно зашипел), да передумал.

Кудеяр не собирался распинаться и раскрывать душу полностью перед племянницей, для него это означало показать слабость, он и так многое сказал. Его действительно мучила бессонница, нечто грызло его изнутри, не давая покоя, отнимая аппетит и радость жизни, вот

только оборотень знал причину своего недуга – Велена. Не совесть, не вина и даже не жалость – плевать на какую-то девку, мало ли их, изнасилованных, по белу свету – изматывали душу колдуна, а гордыня. Он давно и бережно вращивал свою репутацию, приводил в гармонию свои внутренние непомерные амбиции и личный образ с его историей в устах окружающих. И добился своего: его боялись, его уважали, про него ходили разные страшные слухи, к нему под покровом строжайшей тайны обращались с заказом на смерть – и тогда на одну загрызенную волком жертву становилось больше, его хотели, ему отдавались, от него рожали детей. За всю его личную историю не было ни одной бабы, на которую он положил глаз, а она вильнула бы хвостом – морок бил без промаха. Это уже потом чары спадали, и у девки могла родиться к колдуну ненависть, а у некоторых тяга к Кудеяру лишь смягчалась, переходя в материнскую любовь к ребёнку от него. А здесь случился полный провал! Злость с гордыней на пару раздирали воспоминания оборотня, не давая им уползти в тёмные закрома прошлого, картинка постоянно стояла перед глазами – и она лежала грязным пятном на идеальном образе Кудеяра.

Да, Люта права – дурман поможет лишь временно, а с причиной оборотень разберётся сам, он даже придумал, как: пятно можно смыть лишь кровью – пора отправлять Велену в Навь. Нет чудовища – нет проблемы и нет причины для бессонницы у Кудеяра. Вот только в этот раз колдун не хотел пачкать свои руки, потому что, во-первых, трезво оценивал риск: да, он оборотень, он силён и ловок, но и там теперь не абсолютно беззащитная слабая девушка, там монстр, под взгляд которой можно даже ненароком попасть – и всё, прощай, белый свет! А колдун жизнь свою и её удовольствия зело любил. А во-вторых, он банально не хотел видиться с живым воплощением своего позора ещё раз, память и так не давала ему спокойно жить, а он не враг себе, чтобы сыпать соль на открытую рану. Хотелось поскорее убрать проблему и забыть эту неудачу, как страшный сон. Осталось найти исполнителя. И, похоже, Кудеяр уже придумал, кому можно доверить смертельный заказ.

Глава 9. Хорт, сын оборотня

*Как он, однако, в щите, что на левой руке, отражённым
Медью впервые узрел ужасающий образ Медузы;
Тяжким как пользуясь сном, и её и гадюк охватившим,
Голову с шеи сорвал: и еще – как Пегас быстrokрыльый
С братом его родились из пролитой матерью крови.
Овидий «Метаморфозы»*

Место действия: планета N в двойной звёздной системе, северный регион.
Время действия: однажды в стародавние времена.

Некрас сидел на дереве, лениво поглядывая в округе, вроде всё тихо, никто не идёт, не крадётся и не ломится, тихие звуки леса льются ровной струйкой. Часовой ушкуйной слободы зевнул и взглянул на небо: двойное лето закончилось, и если до него первым на поле голубых цветов выскакивал Хорс, а уже за ним Ярило, то теперь они поменялись местами, ныне первым озарял мир молодой Ярило, а уже следом за ним, пока ещё с большим опозданием, вырывался отец Хорс, но с каждым днём батя будет всё больше и больше догонять своего сына, пока однажды не соединится с ним и не обгонит вновь по внешней дуге, и так происходило год от года с самого сотворения мира из яйца. Небеса показывали, что Ярило клонился к закату – знак для Некраса, что скоро закончится его время на посту часового и придёт смена. Два стража, днём и ночью блюдящих покой слободы с обеих её сторон, – неперемное условие безопасности, так однажды повелось, так и сохранялось до сих пор. Ушкуйники – люди бывалые, тёртые, боевые, в состоянии дать жёсткий отпор, но любая власть всегда имеет зуб на лихих людей, может и стрельцов послать с пушками, поэтому ухо нужно держать востро.

Кусты впереди зашевелились, идущий явно не пытался скрываться, Некрас достал стрелу, натянул тетиву на малом тартарском луке – с таким удобнее на посту сидеть. Из кустов появился незнакомый Некрасу мужик с густой чёрной бородой и с полностью пепельными волосами на голове, в одной руке он тащил небольшой мешок серго цвета с завязанной горловиной.

– Стой, стрелять буду! – заголосил Некрас, пытаясь прибавить голосу строгости. – Дальше вольного ходу нет. Кто таков?

Кудеяр улыбнулся, приподнял руки в примирительном жесте.

– Тихо-тихо, хлопец, не стреляй. Я Кудеяр, вашего Хорта отец, повидаться пришёл.

Некрас прибился к ушкуйникам недавно, Дивия второй круг по небу пробежать не успела, поэтому с Хортом познакомиться успел, а про Кудеяра ничего не знал.

– Хорта знаю, а ты чужак незнакомый. Не двигайся, сейчас я слезу и пойдём вместе разбираться, знакомец ты али засланец.

Часовой ловко спрыгнул с ветки на землю, благо было невысоко, даже не пришлось стрелу с тетивы снимать. Приземлился, поправил слегка съехавшую шапку и сразу вновь направил наконечник на пришлого. Кудеяру это начало надоедать: идти под прицелом, разбираться, опознаваться в слободе, где его многие знали, где жил его старший сын, никакого желания не было. Поэтому глаза колдуна вспыхнули алым пламенем, из них на Некраса потёк чёрный морок, подавляя его волю и прививая должные мысли. Морок давил, Кудеяр внушал мысли, чеканя каждое слово:

– Я Кудеяр, отец Хорта. В слободе меня каждый давно знает. И ты меня давно знаешь и помнишь.

Некрас обмяк, опустил лук, встал с отрешённым выражением лица, глаза его опустели. Он негромко повторил:

– Да, ты Кудеяр, отец Хорта, свой человек. Я это знал, просто запомнил.

Часовой прервался, закинул лук на плечо и вновь полез на свой пост. Теперь в его голове надолго поселился убеждение, что он отца Хорта знает чуть ли не с пелёнок. Так-то лучше, подумал оборотень, а то заведут новеньких, не пройти спокойно, не проехать.

Колдун зашёл в слободу. На улице играла немногочисленная ребятня, кое-кто из мужиков колот дрова – Кудеяр махнул знакомцам свободной рукой. А вот и хата, где Хорт живёт, изба общинная, в ней обитали сразу несколько ушкуйников. Так в их слободе повелось: холостые-молодые в одной общей избе живут, быт ведут, а если кто жинкой обзаведётся – пристрой отдельный делали, а если уж потомство пошло, то могли и отдельную избу справить. Только ушкуйники при своём пиратском ремесле старались шашни не крутить: жизнь опасная, сегодня в Яви, а завтра в Нави, дружку и детей одинокими легко оставить. Но любовь летучая – дело молодое, посему пару ушкуйников всё-таки девок в слободу притащили, оттуда и пяток дитяток на улице бегали.

Колдун постучал в дверь и, открыв, вошёл – было не заперто, как это принято в светлое время.

– Мир вашему дому! – кивнул Кудеяр обитателям дома при входе в горницу. Там за общим столом сидели и трапезничали трое ушкуйников, два были знакомы оборотню с прошлого раза, а третий был новенький, совсем юнец, усы только едва пробились.

– И ты здрав буди, Кудеяр! – раздался от стола нестройный хор голосов.

– А где Хорт?

– На заднем дворе твой Хорт, меч вострит.

Кудеяр ещё раз кивнул и снова вышел, обошёл дом и увидел своего старшего сына Хорта, тот сидел на пенёке и усердно правил оселком короткий меч. Шаркнет несколько раз, поднесёт на уровень глаз, посмотрит, ещё пройдет – пальцем острие попробует, в воду окунет – для того ведро с водой рядом поставил.

Хорт видом не в отца пошёл, а весь в мать, что восточных кровей была, – смуглый, черноглазый, темноволосый, с короткой стрижкой почти под срез. От колдуна ему досталась только серебристо-пепельная полоса волос на голове – аккуратно со лба до шеи сзади. Левый глаз Хорта пересекал сизый шрам, полученный в морской схватке. Глаз остался целым, но разрез стал уже, придавая азиатский прищур с одной стороны. Ушкуйник взглянул на пришедшего, отложил меч, встал. Отец с сыном обнялись.

– Гой еси, батя! Да процветает твой род! – ехидно улыбаясь, сказал Хорт. Вот так поприветствовал: и отцу доброе слово, и себе благое пожелание сказал.

– Здравия тебе, сын!

– Давненько тебя не было видно.

– Да, всё дела, дела... И сейчас я к тебе не просто заглянул, а с поручением, коли согласишься, – сразу перешёл к сути колдун.

Хорт вновь сел на пенёк, вернулся к своему занятию, предчувствуя долгую историю.

– Рассказывай.

Хорт был единственным из детей, с кем Кудеяр поддерживал отношения, а сколько у него отпрысков, он и сам точно не знал. Так уж получилось, что мать Хорта умерла при родах, и что-то кольнуло колдуна (отеческие чувства к первенцу? совесть?) не бросить сына на произвол судьбы, а взять на своё попечение. Он отдал ребёнка в дом старухи-повитухи, платил ей исправно, сам периодически появлялся, напоминая сыну о себе и давая редкие наставления к жизни. Кудеяр и привил Хорту начальные навыки рукопашного боя и владения мечом, что тому неслабо пригодилось в ушкуйном ремесле.

– Ты, сын, небось, слышал о чудище, что завелось у Волотных гор?

– Дракон, что взглядом убивает? Слышал, ворона на хвосте принесла.

– Ну, дракон, не дракон, тут молва народная переврала, скорее страшная баба. Но взглядом убивает – это точно, но только если ты с ней взглядом пересечёшься, не иначе.

Хорт криво ухмыльнулся, бросил хитрый взгляд на отца.

– Я смотрю, батя, у тебя свои источники информации. Из первых рук? Сам это чудо-юдо видал что ли?

– Кто видал, тот там и остался в хладном виде. Но, поверь мне, так оно и есть, как говорю: не дракон там, баба согбенная. Одна в ней сила, что взглядом убивает, да и на это управа есть.

– Хорошо, понял, – сказал Хорт, придирчиво оценивая лезвие меча, решая, разрежет ли тот волос, или ещё требуется подправить. – Про бабу понял. Давай ближе к делу: твой какой интерес?

– Предлагаю тебе убить чудовище и помогу тебе в этом. А в награду научу тебя в волка перекидываться, ты мой сын, у тебя это в крови, надо только вытащить наружу. Кроме того, если не ошибаюсь, удельный князь за её голову награду назначил.

Глаза Хорта алчно вспыхнули – он с детства завидовал отцу с его способностью превращаться в здорового волколака. Ему такое умение ох как пригодилось бы в пиратском промысле, да и вообще по жизни: оборотень сильнее и быстрее обычного волка, в темноте видит не хуже, чем днём, все раны заживают в десятки раз быстрее. Чудо-способность, сказка, о которой только можно мечтать. Когда он станет перевёртышем, то его имя, наконец-то, станет отражать внутреннюю суть¹. И ведь Кудеяр не учил сына оборотничеству по каким-то своим соображениям, даже когда тот однажды попросил – отказался. На самом деле, не было в том великой тайны: Кудеяр просто не хотел плодить себе конкурентов, достаточно одного оборотня на близлежащие земли.

– Заманчивое предложение, батя! И награда самая высокая, которую я только мог представить. Я согласен! По рукам?

Хорт вскочил, возбужденный, и протянул руку отцу.

– По рукам, сын!

Хорт крепко сжал ладонь Кудеяра, внимательно посмотрел в его глаза и промолвил:

– Это всё хорошо: я согласен, награда велика, да и ты помочь обещался. Но тогда резонный вопрос: почему ты сам чудо-юдо не порешишь?

Вопрос был, прямо сказать, неудобный. Проще всего было навести морок на сына, чтобы у того не возникало сомнений и интересов, но Кудеяр не хотел в данном случае применять подобный приём. Поэтому он, используя все актёрские способности, какие у него были, сделал виноватое лицо, опустил глаза и задумчиво-грустно, со всей скорбью хананейского народа на устах сказал:

– Боюсь, сын! Откровенно, от чистого сердца тебе говорю: боюсь, что дрогнет рука, промедлю, а цена заминки – жизнь. Это чудо-юдо раньше девой была, красоты невиданной, волосы – водопад Ирия, взгляд – зелень изумрудная, омут пленительный, в который я угодил. Чувства у меня к ней проснулись. А потом она Тёмных Древних богов прогневала, они её и прокляли, в старуху-чудовище со смертоносным оком превратили. И убить-то я её хочу из жалости, мучается она. Сам представь: была красавица, невеста на выданье, а теперь монстр бирючный.

Так жалостливо баял Кудеяр, что Хорт, глядя на него косым глазом никак понять не мог, тот всё откровенно брешет или лишь слегка перевирает. Ну, раз так говорит, пусть будет так, пусть чувства, пусть рука дрогнет, все равно цена риска ушкуйника устроила, чего базар разводить.

– Лады, батя, с этим я понял. А чем поможешь?

Колдун в момент преобразился, на лице его заиграла торжествующая улыбка, он довольно погладил бороду.

– Это самое интересное! Смотри!

Оборотень развязал тесёмки на горловине мешка, что принёс с собой, и достал короткий меч с изогнутым лезвием в ножнах. Ножны были костяные, почти чёрные, сливаясь воедино с такой же рукоятью. Кудеяр медленно обнажил лезвие, наслаждаясь моментом: лезвие было воронёное, только по внутренней режущей кромке, как у серпа, шла тонкая серебристая полоска металла. Он бережно передал меч сыну.

– Держи, Хорт. Меч ковали по заказу, я его заговорил на уничтожение всякой нежити. Чудовище, конечно, живое, но для него тоже подойдёт. У этого оружия есть своё собственное намерение убить чудовище. Ты будешь в одиночку, но не один, а со стальным помощником.

Хорт потрогал серповидный клинок, заценил остроту, он открыто любовался красотой меча, настоящим произведением искусства. Меч пел, звеня в пространстве, под влиянием заклинания он обрёл частичку собственной воли и желания и теперь жаждал убивать врагов рода человеческого, ведь для этого он и был создан.

– Это ещё не все подарки, – радостно продолжил колдун и достал из мешка талисман на шнурке – переплетённые в единый узор руны Радуга, Чернобог и Перун, вырезанные на плашке из ясеня. – Это можно назвать своеобразным непроглядом, только основная задача его направлена на сокрытие на физическом уровне. Не шапка-невидимка, конечно, но позволит тебе вплотную приблизиться к своей цели, она тебя не почувет, глаз будто замылится, пока совсем близко не подойдёшь. Надень эту защиту, когда на дело пойдёшь, а то если раньше наденешь – товарищи тебя из виду будут терять.

Хорт уважительно и благоговейно взял талисман обеими руками, отложив серп в сторону.

– Добротная штука! Ей цены нет, когда что-нибудь украсть нужно, – рассмеялся ушкуйник.

Наконец, Кудеяр достал третий артефакт – зеркало из чистого серебра, в оправе из чёрного морёного дуба, размером с локоть.

– Как до места дойдёшь, там уже боком крадись, в отражение смотри, через зеркало взгляд чуда-юда теряет свою силу. Как голову отсечёшь – сразу в мешок прячь, ей и в мёртвые глаза смотреть нельзя. Всё, сын, мне пора.

Отец с сыном сцепились предплечьями на прощание, обменялись взглядами.

– И тебе пора, дело непростое, рискованное, но и награда ценная. Готовься, настраивайся, не затягивай. Через пару седмиц я появлюсь. Да пребудет с тобой моё благословение!

Хорт представлял себе местоположение чудовища лишь примерно, по слухам. Посмотрел по карте – в географии ушкуйники были продвинуты, для них точное знание ориентиров зачастую означало вопрос жизни и смерти – и определил основное направление движения, взял одного из общинных коней и отправился в путь. Всеволод, Василько и Ёрш пришли к Волотным горам с востока, а Хорт решил с небольшим крюком подобраться с запада, потому что ближайшее селение к предполагаемому месту встречи было на западе – всего полдня пешим ходом.

На своём пути ушкуйник встретил две маленькие деревеньки, как и было отмечено на карте. Поспрашивал местных про Змея, те охотно рассказали – сплетни перебирать всегда интересно – и показали на карте, где находится старая охотничья хижина, нынешнее жилище чудовища. Поделились и новыми слухами-небылицами – «Зуб даю! Истинная правда, сам видел!» – мол, Змей-то не Змей, а Змея-оборотень: то летает, огнём дышит, добрый люд убивает, а потом, как устанет, в старуху-ведьму превращается. И про большую стаю волков в том краю, что приходится слугами старой Змее, тоже поведали. Хорт послушал, поусмеялся, что надо на ус намотал и отправился дальше.

Прикинув, что есть риск не вернуться (мало ли как сложится), Хорт решил коня в ближайшей к месту назначения деревне оставить, а дальше пешком добраться. Нашёл старосту, рассказал о цели своего путешествия, попросил пока за лошадью присмотреть. Коли не вер-

нётся – конь обретёт нового хозяина, а коли вернётся – готовь, голова, свою награду! Ушкуйника провожал с десяток человек, все смотрели ему вслед, мысленно прощаясь с покойником, а староста уже потирал руки от удовольствия, что хороший конь ему задаром достался.

Хорт на подходе к злосчастному лесу, где гнили многие смельчаки, нашедшие свою смерть в зелёном омуте глаз, надел руновязь на шею, взял в одну руку зеркало, другой обнажил меч. Так и пошёл боком, аккуратно ступая, вглядываясь в отражение, прислушиваясь к лесу, не доносятся ли звуки шагов. Добрёл так до хижины, рядом постоял, превратившись в слух. Судя по тишине, в избе никого не было, но охотник за чудовищем всё же тихонько приоткрыл дверь, поводит зеркалом, освещая им внутреннее пространство дома, и убедился, что пусто. Двинулся дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.